РОВЕСНИК

№ 9/87 сентябрь

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ISSN 0131-5994

ПАРИЖ. «Корабль для Никарагуа» — название кампании солидарности с народом страны, ставшей символом надежды и свободы. Ее инициаторы — деятели культуры, науки, преподаватели Франции, обратившиеся в январе этого года к своим соотечественникам с призывом собрать средства и снарядить для никарагуанцев корабль с медикаментами, хлебом, станками и школьными учебниками. «Честные деньги, пожертвованные честными людьми,— сказал певец Жан Ферра, один из организаторов «Корабля для Никарагуа»,— вызов и тем во Франции, кто решил вдвое урезать продовольственные поставки в Никарагуа, и тем в США, кто финансирует никарагуанских контрас».

БОНН. Эта группа борцов за мир выступает под лозунгом «Перекуем «Першинги» на орала» — по аналогии с древнейшим призывом «Перекуем мечи на орала» (орало — плуг). Впервые под таким лозунгом в 1980 году выступили восемь американцев против производства ядерного оружия на заводах фирмы «Дженерал электрик» в штате Пенсильвания, США. Они проникли в технический отдел предприятия и залили своей кровью документы, затем они спокойно ждали полицию и ареста. С тех пор последователи этой восьмерки американцев появились во всем мире. В ФРГ они пикетируют дороги возле баз, где размещены «Першинги», препятствуют въезду транспорта на территорию баз, перерезают заборы из колючей проволоки, окружающей их. В акциях этой антивоенной группы участвуют молодые шведы, датчане, японцы.

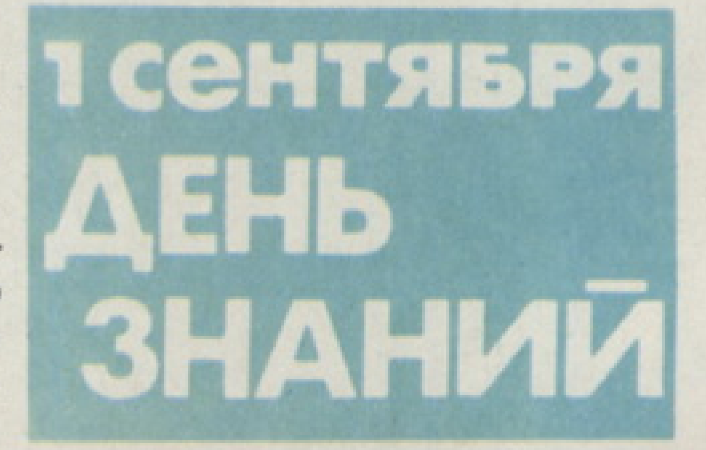
МЕЙН. В этом американском городе, родине Саманты Смит, принято решение объявить каждый первый понедельник июня днем Саманты Смит. После гибели девочки и ее отца в авиационной катастрофе в 1985 году в США был создан фонд ее имени, деятельность которого посвящена реализации мечты этой американской школьницы — сохранить мир на Земле, развивать интернациональное взаимопонимание путем личных контактов людей из разных стран. Весной нынешнего года фонд организовал поездку в СССР 300 школьников и их родителей из разных городов США. Все путешествие было заснято на видео, и теперь фильм демонстрируется по просьбам учителей и родителей в некоторых школах. Активисты антивоенного движения надеются, что по образцу Дня Саманты Смит в городе Мейне другие города США, граждане которых озабочены мирным будущим для своих детей, установят День мира.

САН-ХУАН. Тысячи пуэрториканцев принимают участие в кампании против строительства ретрансляционной станции «Голоса Америки» близ города Кабо-Рохо. Кампанию поддерживают политические, студенческие, профсоюзные, религиозные, антивоенные организации. Карлос Перес, активист движения против строительства станции, сказал: «Мы не можем позволить превратить Кабо-Рохо в центр идеологической агрессии против наших братьев в Латинской Америке, мы не хотим, чтобы призывы к насилию с нашей земли распространялись по всему континенту».

ТОКИО. Газета японских коммунистов «Акахата» рассказала, как происходит превращение Японского архипелага в американский ядерный плацдарм. Еще в 1960 году, сообщила «Акахата», был подписан секретный договор между США и Японией о вводе на острова американского ядерного оружия. На Окинаве, пятую часть территории которой занимают военные базы США, находятся склады для хранения такого оружия. В Хиросиме и Ивакуни размещены специальные подразделения по монтажу и обслуживанию ядерного вооружения. Между тем согласно заверениям правительства ядерного оружия в Японии нет. Разоблачение «Акахаты» вызвало серьезную тревогу общественности.

ГРИНЭМ-КОММОН. «Ровесник» уже не раз писал о стойких английских женщинах, которые долгие годы в дождь и стужу, зимой и летом пикетируют американскую базу на британской территории Гринэм-Коммон, где находятся крылатые ракеты, требуя освободить Британские острова от опасного оружия. На снимке: так выглядит пикет в воскресенье, когда на помощь постоянным пикетам приезжают англичанки из всех графств страны.

ВАРАДЕРО. Известный певец и актер Гарри Белафонте, выступая на пресс-конференции кинофестиваля «Новое латиноамериканское кино», который ежегодно проходит на Кубе, сказал, что он и режиссер Сидней Поллак работают над фильмом, посвященным истории Южной Африки, Нельсону и Винни Мандела. В картине снимаются Сидней Пуатье, Джейн Фонда, Марлон Брандо, кинематографисты из Зимбабве и Южной Африки. Гарри Белафонте надеется, что этот фильм будет готов к фестивалю 1988 года и будет служить углублению взаимопонимания между людьми, солидарности с борьбой против режима апартеида и в конечном счете делу общего мира на Земле.

Таким наш День знаний видят иностранные журналисты. Этот снимок сделан фотокорреспондентом американского журнала «Нэйшнл джиогрэфик» в одесской школе № 119.

РОСТОВ-НА-ДОНУ. Государственный университет этого советского города награжден высшей наградой Германской Демократической Республики — орденом «Знамя Труда» первой степени. За последние 20 лет в Ростовском университете подготовлено для ГДР 1280 преподавателей русского языка, более 2 тысяч молодых людей республики получили дипломы по естественным и гуманитарным специальностям.

КАБУЛ. В области образования народная власть Афганистана совершила одну из самых впечатляющих революций. Девять лет назад, к моменту Национально-демократической революции (27 апреля 1978 года), 90 процентов населения страны не умели ни читать, ни писать. Существовавшая тогда система обучения охватывала едва 14 процентов детей и молодежи. Из каждых 100 девочек лишь 8 посещали школу. Сегодня только в столице Афганистана и ее окрестностях в 975 кружках по ликвидации неграмотности преподают женщины и учатся тоже женщины. Многие из нынешних учительниц начинали свой путь к знаниям в таком же кружке ликбеза, победив в себе страх перед местью душманов, перед вековыми традициями. Известно, что афганские контрреволюционеры с особой жестокостью уничтожали школы, учителей, учеников. В знаниях, открытых для народа революцией, они видели и видят главного врага своих темных замыслов. Среди девушек Афганистана сейчас самые популярные профессии врач и учительница.

ЛОНДОН. Английский еженедельник «Экономист» утверждает, что физические расправы с детьми «в целях воспитания и образования» в современной Британии так же распространены, как и во времена Диккенса. Более того, ежегодно число зарегистрированных случаев увечий вследствие «воспитания и образования» увеличивается в среднем на 10—12 процентов. Национальное общество защиты детей от жестокого обращения считает, что положение значительно хуже, чем можно судить по статистике, поскольку это данные только местных филантропических организаций. Исследований по Соединенному Королевству в целом не проводится. «Чем же вызвано жестокое обращение родителей с детьми?» — спрашивает «Экономист». Однозначного ответа нет. Известно только, что люди, терпевшие в детстве унижение, побои, страх, вымещают свои прошлые обиды на собственных детях.

1 сентября ДЕНЬ МИРА

ГАБОРОНЕ. В столице Буркина Фасо большой популярностью пользуются ансамбль «Голуби революции», объединяющий молодых талантливых девушек, и ансамбль «Маленькие певцы с поднятыми вверх сжатыми кулаками», где поют дети от 7 до 12 лет. Эти ансамбли играют важную роль в общественной жизни страны: в своих песнях они рассказывают о том, что делает правительство, чтобы улучшить жизнь людей, сообщают о новостях, ведут просветительную работу.

ПХЕНЬЯН. В Корейской Народно-Демократической Республике, стране — хозяйке XIII Всемирного фестиваля молодежи и студентов, большое внимание уделяется специальному образованию, созданы техникумы, курсы и училища, где без отрыва от производства трудящаяся молодежь может повысить свои знания. Примером такого учебного заведения может служить техникум в кооперативе «Пханмунчжом», его закончили 280 рисоводов, кукурузоводов, механизаторов.

ДАРХАН — город молодежи, средний возраст его жителей — двадцать три года. И сам Дархан очень молод, он ровесник вступления Монголии в СЭВ и в этом году отпраздновал свое двадцатипятилетие. Город в монгольской степи можно назвать символом социалистического содружества. Возводили Дархан советские строители, селикатный завод сооружали польские специалисты, цементный — чехословацкие, овчинно-шубную фабрику — болгарские, мясокомбинат создавали друзья из Венгрии. И работают здесь специалисты, которые учились в СССР, Болгарии, Венгрии. Дархан — город мира, потому что он устремлен в будущее. Здесь рождаются новые традиции, новый образ жизни.

ХОШИМИН. Здесь создан Центр педиатрических исследований для наблюдения за здоровьем детей города и его окрестностей. 47 процентов подростков нуждаются в постоянном контроле за состоянием здоровья. Каждое утро в Центре проходят консультации юных пациентов. Кроме того, оборудован специальный автобус с экспресс-лабораторией, рентгеновской и другой аппаратурой, который постоянно обследует детей в окрестностях Хошимина. При всех деревенских школах созданы центры «социальной медицины» — проводники санитарно-гигиенических знаний. Эти центры приглашают специалистов для исследований почвы, воды, для возрождения лесов. Центр педиатрических исследований взял также на себя заботу и наблюдение за здоровьем ребят в детских садах.

ЗДОРОВАЯ НЕУСПОКОЕННОСТЬ

Иржи ФРАНЕК,
чехословацкий журналист
Фото Е. ЖЕЛТОВА

Еду знакомой дорогой из гостиницы «Украина» в Шереметьево, которое находится где-то на краю Москвы, и повторяю самое главное слово — ключ ко всему, что я видел и слышал в Советском Союзе на протяжении десяти последних дней. Неуспокоенность. Обсуждаются не успехи, а нерешенные проблемы, препятствующие достижению новых успехов. Откровенность критики иной раз даже удивляет.

Это вызывает, с одной стороны, хорошее чувство, а с другой — озабоченность. Ведь мы привыкли говорить только об успехах, было не принято, чтобы журналисты из социалистических стран по-деловому, откровенно писали о проблемах первой страны социализма.

Сижу на заднем сиденье «Волги», рядом — двое коллег, говорим о том, что раньше нам было проще писать: «Советские огурцы — самые зеленые в мире», и материал готов. Все смеются. И в этот момент я вижу то, чего еще не видят мои коллеги. Самый впечатляющий памятник на территории Советского Союза из всех известных мне. Сколько бы ни проезжал мимо, всегда мороз по коже. Противотанковые заграждения. Я тереблю коллег: «Вот сюда, сюда фашисты дошли». Сейчас это район Москвы. И только потом сознаю, что не очень отклонился от темы. Ведь между этим памятником и сегодняшней неуспокоенностью существует глубокая и сложная взаимосвязь.

Лошадиная доза реальности. Я никогда не видел обыкновенного колхоза. Показывали мне однажды богатый винодельческий совхоз в Дагестане, но он совсем не был похож на среднее хозяйство. И вот Лавровка. Колхоз, который еще в 1983 году был убыточным, что заметно и теперь. Но перелом все же чувствуется: бухгалтерия оперирует положительными числами, и на банковском счете — 1,5 миллиона рублей.

«Мы пока только начинаем, глыбу только приподняли»,— говорит сорокапятилетний председатель Иван Федорович Ищенко. Его слова подтверждает и статистика: урожаи зерновых — классический критерий успехов сельскохозяйственного производства — несколько лет назад были ниже 30 центнеров, сейчас приближаются к сорока.

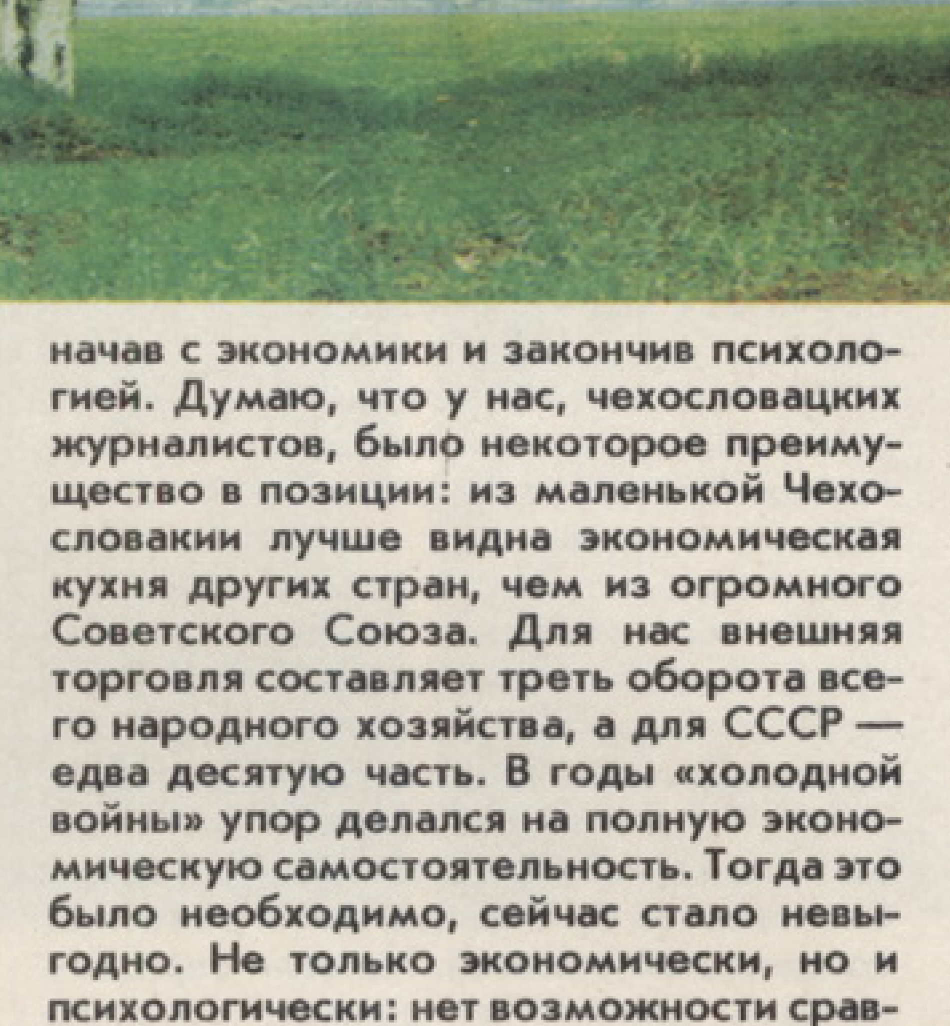
Колхоз «Дружба» состоит из трех деревень: Лавровка, Медведевка и Дорожное, в каждой более 380 жителей, что очень мало, если учесть, что колхозные угодья составляют две с половиной тысячи гектаров. Площадь соответствует площади чешского сельскохозяйственного кооператива, только у нас было бы больше работников и больше полей. Тысяча гектаров пахотных земель и полторы тысячи гектаров пастбищ — для меня свидетельство все еще экстенсивного ведения хозяйства.

Мне все время хотелось спросить, почему хозяйство, только-только выбравшееся из отстающих, позволяет себе такую роскошь, как строительство спортивного зала и сауны. Хорошо, что я не задал такой глупый вопрос. Ведь хозяйству нужны люди. Чтобы их привлечь и удержать, надо создать условия, вкладывать средства. Вспомнилось выступление Михаила Горбачева, когда он говорил, что построили текстильную фабрику, а она работает на 50 процентов мощности, поскольку не хватает людей. А чего можно было ожидать, если из проекта вычеркнули всю социальную инфраструктуру?

Итак, с одной стороны, капиталовложения в человеческий фактор, с другой — задача повышать интенсивность и качество труда. Тут уж спортзалом не обойдешься. Колхозу не нужны люди вообще, ему нужны способные и ответственные работники. То есть должна существовать система экономического обеспечения интенсивности и качества труда, которая каждого вынуждает хорошо работать. Такая система теперь существует, и в ней причина воскрешения колхоза «Дружба». Это последовательный хозрасчет, усовершенствованный за последние два года так называемой чековой формой контроля. Вместо массы бумаг и формуляров — чеки, которые бригады передают друг другу. Одиннадцать бригад, одиннадцать чековых книжек. Бригадир не просто прикидывает, что выгоднее: довезти корма до фермы за 47 рублей на большом тракторе или за два рубля на конной телеге, но и проявляет заинтересованность в выгоде. Каждая работница животноводческой фермы знает, что одно ведро выдается на полгода: сэкономит бережным отношением — выиграет в денежном отношении, попортит инвентарь — тем хуже для нее. В прошлом году 20 процентов, а в нынешнем — 70 процентов сэкономленных средств досталось тем, кто их сэкономил. Это и есть экономическая заинтересованность в действии.

Тимановка — деревня, обладающая мировым приоритетом по крайней мере в одной области: здесь три музея, созданные местными энтузиастами. В Доме культуры расположен музей истории деревни, один из обыкновенных деревенских домов отдан под Музей искусств имени Тараса Шевченко.

И самый ценный памятник — старинное здание, в котором Музей А. В. Суворова.

В местном кинотеатре я смотрел старый черно-белый документальный фильм о колхозе. Мне казалось, что я смотрю архивный киноматериал. Но последние кадры тронули меня. Незадолго до этого мы останавливались у памятника павшим в Великой Отечественной войне жителям села, а в фильме были кадры его открытия несколько лет назад. Кто-то произносит речь, камера скользит по собравшимся — и обыкновенные женщины — украинские бабушки в платочках, с плачем целующие имена своих сыновей на бронзовых табличках... В этот момент мне открылся особый угол зрения на прошлое. Ведь у каждой семьи свой памятник, на котором по крайней мере один раз высечена ее фамилия.

Критерии. «У американцев есть одно преимущество, которое они хорошо сознают. Передовая технология». «На территории США более ста лет не было войны». «Но сейчас речь о технологии. Если социализм не победит в экономическом отношении...» Не помню точно, в какой вечер состоялись наши дебаты с Михаилом Чорным, винницким журналистом и автором рассказов о деревне. Есть ли хоть одна речь Михаила Горбачева, где бы ни говорилось о том, что перестройка — дело не только экономики, сюда относится решение социальных проблем, развитие демократии, нового мышления, перестройка психологии людей.

Мы разговаривали о перестройке, начав с экономики и закончив психологией. Думаю, что у нас, чехословацких журналистов, было некоторое преимущество в позиции: из маленькой Чехословакии лучше видна экономическая кухня других стран, чем из огромного Советского Союза. Для нас внешняя торговля составляет треть оборота всего народного хозяйства, а для СССР — едва десятую часть. В годы «холодной войны» упор делался на полную экономическую самостоятельность. Тогда это было необходимо, сейчас стало невыгодно. Не только экономически, но и психологически: нет возможности сравнивать.

«Вы настолько большое государство, что практически ничего не видите дальше своих границ»,— говорю Мише, продолжая основную линию спора. Неудовлетворенность достигнутым. Это касается не только Советского Союза, мы тоже ее разделяем, у нас тоже есть поводы к неудовлетворенности. Но, конечно, Миша прав, когда не позволяет нам в нашем анализе недооценивать последствия страшной войны. Первые послевоенные десятилетия характеризовались неслыханно быстрыми темпами развития. Буквально из развалин выросли новые заводы, невзирая на потери и ущерб, на многочисленные эмбарго, СССР овладел передовой технологией. Первый искусственный спутник, первый человек в космосе — бесспорные доказательства. Но в то же время наследие тех лет сказалось на методах управления: директивные методы стали единственными, об экономических рычагах начисто позабыли. В дискуссии, которую вел с журналистами в Киеве, я узнал об одной интересной детали: во внедрении хозрасчета помогают историки. Многое из того, что начинается сегодня, а порой придумывается заново, уже существовало в 20-е годы.

Когда я спрашиваю себя, почему развитие стало замедляться, почему возникла успокоенность, от которой пробудил страну XXVII съезд партии, то, кроме всем известных причин, о которых в СССР постоянно пишут и говорят, я бы назвал еще одну. Человеческую скромность. Несмотря на то, что домашнее хозяйство украинского тракториста или доярки находится на гораздо более низком уровне, чем у чехословацкого тракториста или доярки, несмотря на существующее до сих пор различие между городом и деревней, украинский земледелец гораздо более доволен жизнью, чем наш.

Урок технологии. На винницкий завод «Терминал» мы напросились вне программы, в которой, по явному недоразумению, было только сельское хозяйство. Но жаль не посетить «Терминал», который производит дисплеи и терминалы к ЭВМ, управляющим автоматизированными производственными системами. С 1980 года «Терминал» входит в объединение, где есть свое проектно-конструкторское предприятие, разрабатывающее и выпускающее автоматизированные и роботизированные производственные системы.

Я увидел огромный чистый цех, разделенный стеклянными, почти невидимыми от чистоты перегородками, за которыми восседают люди, перебирающие мелкие детали или стоя наблюдающие за работой станков. Все автоматизировано, включая складское хозяйство. Рядом растут корпуса еще более современных цехов. Завод растет. Я маньяк вычислительной техники, меня интересует все, что касается терминалов. Спрашиваю о типах процессоров, о базе информации. Всё советского производства, импортируемой продукции нет. Еще нам показали прекрасно оборудованный медпункт (тоже набитый электронной аппаратурой), а потом, к сожалению, пришлось уезжать.

Обдумывая в машине все увиденное, я уяснил для себя, что к проблеме внедрения важнейших технологий в СССР нельзя подходить с мерками, пригодными в Чехословакии. В СССР малая часть огромного производственного и финансового потенциала обес-

печит такое развитие технологии, какое в нашей республике потребовало бы ощутимого напряжения.

Сухой закон. «Запретить в России водку — то же самое, что запретить в Чехословакии пиво»,— слышал я разговоры в пражской пивной. «Сухой закон» — излюбленная тема анекдотов и у нас, в ЧССР, и в Советском Союзе. Правда, приехав в СССР, я понял, что о запрете на алкоголь в полном смысле слова говорить нельзя. Просто водка очень подорожала, и сократилась ее продажа. Строго запрещается пить в рабочее время. Это относится не только к рабочим ради их же безопасности, но и к служащим, и прежде всего к руководящим работникам, которые раньше пили во время официальных встреч и банкетов.

В поезде, когда я ехал из Москвы в Киев, разговорился с попутчиком, рабочим газовых промыслов. Он выразил свою точку зрения: улучшилась дисциплина и порядок. Большинство понимает — без элементарного порядка нельзя ничего построить. Некоторые умом понимают, а душой тоскуют. Но надо же умом думать! Вообще лучше совсем не пить водку, чем в таких количествах, как пили раньше. Мне же просто пришлись по вкусу хорошие фруктовые соки; жаль, что наши безалкогольные напитки такие противные. Некоторое время назад мне показалось забавным сообщение о том, что винные заводы должны переориентироваться на безалкогольные напитки, и вот теперь я с пользой для здоровья ощутил последствия «сухого закона».

Кто-то умом понимает, а душа просит, кто-то ворчит. Но эта с виду не главная мера — ограничение продажи алкогольных напитков и строжайший запрет распития спиртного в рабочее время — стала пробой характера, шагом к важнейшей перестройке — психологической. Эта «малость» помогла осознанию необходимости порядка, дисциплины, ответственности на рабочих местах и в быту.

Правила и нормы. Я давно интересуюсь «технологией» управления и вознаграждения, и надо признать, на Киевской трикотажной фабрике есть чему поучиться нашим руководящим работникам.

Прежде всего бригадный подряд, то есть общая заинтересованность всех членов бригады в конечном результате. Общий интерес всех членов бригады (на предприятии работают в основном женщины) помогает просто решать проблемы, которых нельзя решить с помощью администрирования. Раньше бригадир могла слезно умолять работницу обслужить станок вместо заболевшей подруги. Простой оборудования был заботой бригадира, но не работниц со сдельной оплатой. Но если зарплата каждой зависит от суммы, которую заработает вся бригада и которую потом разделят на всех, тогда решаются многие неразрешимые раньше вопросы.

Нас немного удивило, что некоторые станочницы выполняют план на 130 и более процентов. «Норма случайно не занижена?» — возник естественный вопрос. «Нормы технически обоснованы,— возразила бригадир.— Умение у каждой разное, это дело индивидуальное».

Я молчу и думаю свое. Не раз я слышал от рабочих наших предприятий, как невыгодно перевыполнять нормы. Кто усердствует, тот «портит нормы», считают они.

Объективные критерии, действующие для всех без исключения, безусловно, основа хорошего руководства. С другой стороны, нельзя подходить ко всем одинаково. Противоречие? А по-моему, диалектика качественного руководства. Отметить лучших и таким образом использовать их способности. Меня заинтересовали результаты анонимного анкетирования в цехах. Оказалось, что люди ставят мнение коллег о своей работе выше, чем зарплату. И это, наверное, часть обсуждаемой сейчас перестройки. Я не согласен с мнением, что здесь она уже завершилась. Просто раньше началась.

Шансы и риск. Программа социально-экономического развития, выдвинутая XXVII съездом КПСС, не может быть выполнена без устранения всего отжившего, мешающего дальнейшему развитию экономики и общества. Для устранения отживших методов и нужен критический дух неуспокоенности. Вся огромная страна переживает время перемен. Ощущение здоровой неудовлетворенности, критический взгляд на достигнутое — это самое сильное впечатление от каждого разговора, каждого спора, который мы вели. Вот отрывки из некоторых: «Трудность в несамостоятельности, неспособности принимать решения, реагировать на критику. Почему вы ждете, что вот приедет кто-то из Москвы и решит все вопросы? В человеке надо воспитать чувство хозяина, чтобы он не привыкал ждать указаний от начальства». «Надо называть вещи своими именами. Не бояться критики. И хорошие люди ошибаются, а критиковать не значит все отрицать». «Знаю я чехословацкое земледелие, нам до вас еще далеко. Но мы добьемся хороших результатов и на своей земле». «Работаем сегодня лучше, чем вчера, но хуже, чем надо бы»...

Перевела с чешского
Тамара ОСАДЧЕНКО

ПОСЛЕДНЕЙ УМИРАЕТ НАДЕЖДА

Три сицилийки — темноволосые, темноглазые, стремительные в желании высказаться, даже молчат они энергично — приехали в Москву по приглашению Союза писателей СССР, одержав победу в конкурсе антивоенных сочинений, проведенном на их родном острове. Мауретта Финоккьяро, 18 лет, студентка научного лицея «Архимед»; Грациелла ди Мауро, 17 лет, студентка педагогического училища «Дж. Турризи Колонна»; Мария Грация Мауджери, 16 лет, студентка педагогического училища «Санточенто» (на снимке слева направо).

Во время пребывания в Москве девушки посетили редакцию «Ровесника», познакомили нас со своими сочинениями и немного рассказали о себе: «Я еще не знаю, что буду делать в жизни,— говорит Мария.— Люблю музыку и мечтаю стать пианисткой, еще прекраснее — композитором. Или мне быть учителем! Но я хочу стать врачом». Мария считает, от того, насколько удачным окажется ее выбор, зависит, будет ли она счастлива.

Грациелла, напротив, точно знает, что нужно делать. «Часто родители не способны научить ребенка правильно видеть жизненные ценности: сами-то они смотрят на мир сквозь очки потребительского общества. Средства массовой информации искажают правду. В этих условиях не скатиться в бездну непонимания жизни ребенку может помочь только хороший учитель».

Во время разговора Мауретта раскрывает тетрадь и что-то записывает. Как потом оказалось, в тетрадь заносятся мысли и стихи Мауретты. Таков стиль ее жизни: каждая минута должна быть прожита продуктивно. Она против определения четких границ своего будущего: «Я предпочитаю смотреть на человека как на мозаику: чем больше фрагментов, тем лучше. Чем разнообразнее гамма, тем полнее реализация жизни. Главное — реализоваться как человек. Чувствовать себя счастливым можно, не только когда чего-то достигнешь, но даже тогда, когда терпишь неудачу. Быть счастливым не значит быть постоянно радостным. Счастье — это и умение страдать и сострадать».

Вот такие разные сицилийские студентки, соединенные ответственностью за мир на Земле. Правда, в антивоенных сочинениях итальянок удивило, что о мирной политике Советского Союза сказано или очень мало, или не сказано ничего. Незнание! Да, пожалуй, соглашаются они: вина в этом средств массовой информации, возможно, собственная

Из сочинения Грациеллы ди МАУРО: «После двух мировых войн и последовавшего за ними переосмысления ценностей главы государств, народы, политические партии и профсоюзные организации во весь голос заявили, что настало время раз и навсегда покончить с войной. Но следует ли нам верить в мирное будущее? Исторические факты говорят — нет. Ведь человек всегда нес с собой войну, всегда стремился насилием подавить любые неугодные ему явления, всякое противоречащее ему мнение. Но сегодня альтернативы миру у нас нет. И нужно признать: то, что происходит на улицах итальянских городов, тоже война — грабежи, кровопролития, похищения людей, вымогательства. Это не война между войсками, но это тоже насилие, самые изощренные и ужасные формы индивидуального и коллективного насилия. И когда мы каждый день видим насилие, духовное и физическое, если людей бьют, пытают, душат, мы не можем сказать, что живем в мире, даже если и не стреляют пушки.

В то время как насилие и войны постоянно терзают современный мир, особую тревогу вызывают проявляющиеся в людях смирение и подавленность. Угроза миру угнетающе действует на каждого человека, на его жизненные силы, стремления, идеалы, радость и щедрость восприятия бытия. То нас пытались убедить в том, что делу мира якобы служит концепция «равновесия страха» (на самом же деле она лишь подстегивает гонку вооружений), то нас призывали поверить в политические компромиссы, которые готовятся в верхах, то предлагали закрыть глаза на насилие, которое в открытых и тайных формах совершается против права народов на правду, свободу и независимость, якобы слепота может «предотвратить» войну.

Небольшая белая вилла на черных скалах побережья Исландии (имеется в виду вилла в Рейкьявике, где проходила встреча Генерального секретаря ЦК КПСС и президента США.— *Ред.*) могла войти в историю как место «великого компромисса» между двумя сверхдержавами, она стала бы памятником мира для исландцев и всех нас. Надежда длилась 5 часов и 16 минут, прошедших между концом третьей и концом четвертой (последней) встречи Р. Рейгана и М. Горбачева. После этого белая вилла стала местом «великого разочарования».

Но своего значения эта встреча не потеряет никогда. Просто люди, не политики, поняли: ключевая проблема стратегических и политкческих отношений между Россией и Америкой — проект СОИ, против которого выступают русские и на котором настаивают американцы».

Из сочинения Марии Грации МАУДЖЕРИ: «В наши дни особо важным становится движение борцов за мир, которое, вне всякого сомнения, за-

предвзятость — ведь Италия, являясь ядерным заложником США, удара ждет от СССР. Наш разговор состоялся накануне совещания стран — участниц Варшавского Договора, проходившего в Берлине 28—29 мая, где была выработана доктрина недопущения войны. На вопрос: «Вы нам по-прежнему не доверяете!» — девушки ответили:

Мауретта: «Нам очень понравились русские, добрые и душевные люди».

Грациелла: «Поездка в Советский Союз в буквальном и переносном смысле вывела меня за пределы Италии, заставила шире смотреть на мир. Может быть, то, что делает сейчас Советский Союз в области политики, как раз отражает мою концепцию: политика для человека, а не человек для политики».

Мария: «Что нас больше всего обрадовало в политике вашего государства — вера в будущее, стремление преодолеть неизбежность катастрофы. Есть такая итальянская поговорка: последней умирает надежда...»

Вот коротко и все о победительницах конкурса антивоенных сочинений на Сицилии. А теперь редакция приглашает читателей познакомиться с фрагментами из сочинений Мауретты, Грациеллы и Марии, которые позволяют в известной мере судить о том, как понимают эту важнейшую проблему современности некоторые молодые итальянцы, и высказать свое мнение.

ставляет говорить о себе. Это движение привлекает под свои знамена все больше людей на Западе. Люди понимают: мир не должен больше делиться на враждебные лагери идеологий и соответственно на различные политические и военные блоки. Человечество должно перешагнуть через эти блоки и победить их. Поэтому современное движение за мир является не только более весомым и богатым по содержанию, нежели обыкновенный пацифизм, но и более сложным из-за множества разнообразных направлений. Не получится, как прежде, грубо отмахнуться от людей, выступающих за мир, поставив на них клеймо «никчемных идиотов». В борьбе за мир, за лучшее будущее человечества сегодня сплачиваются все: молодежь — и сколько молодежи! — и взрослые политики, ученые, интеллигенция, религиозные деятели и лауреаты Нобелевской премии.

Разумеется, проблема мира не может быть сведена только к переговорам по разоружению, но я уверена, что переговорам нет альтернативы. В Женеве, Стокгольме или других городах переговоры вести необходимо. И в то же время ни в коей мере нельзя допустить, чтобы борцы за мир оказались в роли карикатурных праздношатающихся бездельников (так иногда изображают борцов за мир некоторые западные средства массовой информации.— *Ред.*). Делу мира нужна наука, воспитание и активность.

К сожалению, по-прежнему бытует убеждение, что только власть имущие решают проблемы войны и мира и только их следует убеждать и заставлять действовать. Несмотря на то, что о миролюбии говорится много, нам самим не хватает общей культуры мира. Как много в нас еще дилетантства! Мы взываем к миру, мы хотим его, не отдавая себе полностью отчета в том, сколько жизненных усилий должно быть потрачено на достижение нашей цели. Много в нас и субъективности: каждый понимает мир посвоему. В то время как мир — это жизненная позиция, лишающая тебя спокойствия и сокрушающая привычное приятие насилия и несправедливости, так прочно укоренившихся в нашем обществе и в самих людях. Когда человек в глубине души думает, что ни мир, ни война от него не зависят, то эти проблемы почти или даже полностью перестают его волновать — так проявляется наша безответственность.

Бороться за мир для меня означает отвергать любую милитаристскую идеологию, которая ставит во главу угла насилие и военные приготовления как единственное средство решения мировых проблем. Идеологии войны необходимо противопоставить культуру мира. Мы знаем, что для разрешения самых непримиримых споров существуют мирные средства их урегулирования, полностью исключающие применение оружия. По-моему, очень важно научиться вести диалог, внимательно относиться друг к другу, стремиться заключать только честные и справедливые соглашения. Угроза миру ведь исходит и от социальной несправедливости и неравенства, которые существуют на нашей Земле, от неспособности отрешиться от устаревших взглядов в диалоге между Западом и Востоком, от ущемления свободы, заставляющего страдать народы многих стран во всех уголках планеты, от неспособности решить в полной мере проблемы людей, живущих на Ближнем Востоке, в Латинской Америке, Африке...

Когда думаешь о мире, то перед глазами предстает что-то невероятно большое и почти недостижимое. Может быть, потому, что драматические события в Ливане, Никарагуа, Афганистане, ЮАР или Ливии постоянно заявляют о себе через экраны телевизоров. И мир без войн кажется нам далекой мечтой. Несмотря на это, я уверена, что можно воспитать и себя и других в духе мира, можно активно бороться за мир. И не в каком-то символическом смысле, а своими конкретными действиями способствовать примирению, хотя переход от слов к делам всегда не так-то прост. Настоящее и действенное оружие мира — это справедливость, диалог, понимание и стремление к истине.

Было бы неправильно всем нам удалиться от решения этих вопросов только из-за того, что мир, мол, очень велик и его невозможно построить при помощи только наших усилий, работой наших рук. Первые шаги к миру человек делает в своей душе. И эти «зерна» мира, проросшие в сердце каждого человека, составляют общую мировую гармонию. Я верю, эти «зерна» мира, которые взращены любовью, расцветут в один прекрасный день благоухающим садом.

Первые шаги к культуре мира ты делаешь в семье, с которой ты живешь вместе, в среде, в которой ты вращаешься, где часто так легко пренебречь желанием окружающих тебя людей. Если живешь в мире со своими родителями и, что еще более важно, учишься этому миру, находишь пути к взаимному примирению, просишь у них прощения, тогда гораздо легче вести себя так же в коллективе, в школе.

Но чем больше мы наблюдаем сцен насилия и войн, тем больше проникаемся логикой права сильнейшего. Не всегда мы отдаем себе отчет в том, что средства информации заставляют нас следовать проповедуемым ими нормам нравственности и поведения. Особенно это относится к телевидению и кино. Вошедшая сейчас в моду «рэмбомания» — это попытка навязать убеждение, что сильный всегда прав, что своего он всегда добьется. А каким способом, это уже неважно.

Но мир — семя, произрастающее в тайниках нашего сердца. Для того чтобы на земле что-нибудь росло, нужно, чтобы она была плодородной. Нужно, чтобы зерна дали ростки. Нужно пахать, орошать нашу землю. Нужно установить между нами отношения взаимопонимания и гармонии. Нужно уметь оглядеться вокруг. Подумать и о природе. Часто человек бездумно губит природу, чувствует себя полновластным хозяином, не понимая, что природа дана ему в дар для того, чтобы он постоянно украшал ее. Для того чтобы росток дал корни, нужно убрать с земли камни и полить ее. Нужно научиться отдавать свою энергию и силы на благо других людей. И тогда взойдут ростки мира, пробьются сквозь путы многолетних стереотипов в отношениях между людьми и странами.

Очень важно понять, что только вместе мы можем сделать многое, но каждый должен начать с себя. Настанет день, и на этой дороге вырастут

цветы. Они появятся неожиданно, как естественный дар, а не как запланированная благодарность. Устанавливая между людьми бескорыстные отношения, мы стараемся найти более естественный стиль жизни, при котором человек будет посвящать себя не житейскому эгоизму, а полной и многогранной духовной жизни.

Каждый из нас имеет или перед собой, или за плечами жизнь. И эта жизнь проходит через определенные этапы. По мере того как человек взрослеет и начинает сам располагать своим временем, он может посвятить часть своей жизни другим людям.

Радуга состоит из многих различных цветов и оттенков, тем не менее она — единое целое. Она не знает границ, меридианов, параллелей и свободно путешествует по небу. Так давайте создадим такую радугу, чтобы она помогла нам понять нашу международную взаимозависимость, богатство всех национальных культур, осознать необходимость искреннего диалога и братской дружбы между народами».

Из сочинения Мауретты ФИНОККЬЯРО: «1986 год, такой близкий году 2000-му, неизбежной точке отсчета для любой перспективы в будущем, проходит в обстановке надежд и страха, когда необходимость ежеминутного раздумья над неистовым нагромождением событий и сознания ущерба, который может нанести всему миру ненависть, вновь открыли человеческой душе дорогу к поиску чего-то действительно важного: мира (1986 год, когда написано сочинение, был объявлен ООН Международным годом мира. В этот год Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев выступил с инициативой всеобщего ядерного разоружения к 2000 году.— Ред.).

Мы идем к новой исторической эпохе, которая может быть катастрофической, если мы не будем к ней подготовлены, или же созидательной, как никакая другая в прошлом, если сумеем воспользоваться предоставленным нам планом разоружения и сотрудничества. В будущем вырисовывается традиционная альтернатива: добро и зло. И поскольку мы располагаем всем необходимым, чтобы оценить обе перспективы сегодня, нам предстоит идти вперед зрело и с чувством ответственности.

Общепринято рассматривать проблему мира исключительно лишь как вопрос ядерного разоружения. Такой подход нельзя отрицать. Ядерный конфликт действительно может привести к всеобщему уничтожению человечества. Это небывалое еще в истории положение привело, как говорят современные ученые, к «миру, основанному на взаимном страхе». Но страх перед всеобщей катастрофой создает видимость мира, который в корне отличен от мира подлинного.

И все же для создания предпосылок длительного мирного сосуществования необходимо решить и многие другие вопросы. Голод в мире, о котором столько говорят и спорят, что из-за экономии места в данном сочинении мне не представляется возможным даже затронуть эту проблему. Перенаселение и слабое развитие стран так называемого «третьего мира», противоречия которых с европейскими державами достигли угрожающих масштабов. Среди причин конфликтов между народами печальная пальма первенства принадлежит расизму, который игнорирует самые элементарные права человека, провозглашенные ООН, провоцирует насилие и смерть в многочисленных регионах земного шара. Неграмотность и суеверие еще держат многих людей во власти их примитивных инстинктов превосходства и произвола. И конечно же, проблемы экологии, странным образом явившиеся большой неожиданностью для человека: живя хорошо сегодня, он не заглядывает далеко в будущее, не думает о смерти, возможно и не такой далекой, которая может настигнуть нашу планету, отравленную отходами промышленного производства и истощенную нерациональным использованием ее ресурсов.

Эти и многие другие проблемы являются причинами развала нашего общества и требуют глобального, а не частичного решения, поскольку исторический процесс сегодня ставит вопрос о жизни и смерти планеты.

Чтобы отдалить опасность третьей мировой войны, заключались соглашения, давались обещания. Но в то же самое время в самых развитых государствах непомерно росло количество оружия устрашения ядерного и неядерного. Число локальных войн так и не уменьшилось. И много еще на нашей планете горячих точек, где каждый день умирают от руки брата или соседа.

Словом, положение обязывает нас сделать качественный скачок, коренным образом изменить наши принципы, наши ценности, наш образ мышления, чтобы быть на высоте решения мировых проблем, найти дельные и согласованные между собой ответы.

Я отдаю отчет, что таким глубоким и радикальным переменам предстоят сложные испытания. Но сам дух, которым были проникнуты различные встречи в верхах, многочисленные мероприятия местного и национального характера, которые ежедневно проходят во многих городах мира (например, Международный семинар в Риме по мирному использованию ядерной энергии, конференция во Флоренции о роли культуры в решении проблемы мира),— все это позволяет надеяться на лучшее будущее.

Нужно перестать думать о себе как об отдельных людях, сегодня необходимо мыслить категориями всего человечества. Следует прежде всего освободиться от укоренившегося в нас подхода, согласно которому война является мерилом ценностей и норм жизни, что она — основа самой культуры, необходимый элемент прогресса.

Внимательно присматриваясь к себе, замечаем, что наши мнения рождаются в большинстве случаев под влиянием еще одного смертельного врага — недоверия. Отсутствие доверия к другим, злобные взгляды друг на друга, убежденность в том, что каждый действует по своему расчету и стремится одержать верх над другим, сильно мешают изменению нашего образа мышления. Но его еще труднее изменить, пока между людьми будут существовать барьеры, пока мы будем плохо знать, редко видеть друг друга, мало общаться.

Следует осознать, что, хотя у нас и разные культура и традиции, мы не можем оставаться равнодушными, когда кому-то плохо, или в крайнем случае отделаться словами «мне очень жаль». Словом, нужно думать, как помочь другому, а не как его устрашить или навредить ему.

У человеческого общества есть все необходимые средства, и мы пока еще можем устранить угрозу катастрофы.

Конечно, разоружение во всем мире стало бы проверкой нашей искренности в желании мира. Тогда классическая формулировка «если хочешь мира — готовься к войне» наконец изживет себя.

Спасать мир нужно как можно скорее. Нужно как можно скорее направить все силы человечества на достижение всеобщего блага. Ничто из прекрасного, созданного человеком, не может и не должно быть уничтожено.

Если так все и будет, то в один прекрасный день мы просто улыбнемся, вспоминая о барьерах, которые нас разделяют сегодня.

Прекрасно думать, что такое может сбыться».

**Перевели с итальянского
М. СЕМЕРНЯКОВ
и А. МАКСИМОВ**

СМОТРИТЕ

Это Чили — страна массового героизма простых людей. Женщины скупают в пекарнях за гроши пустые мешки, чтобы дома как следует вытрясти их и собрать горсть муки. Молодежь бросается в самое пекло волнений, требует демократических преобразований в стране. Ее избивают, пытают, судят военные трибуналы, а она не сдается, на место погибших становятся десятки новых борцов. Музыканты вскакивают в автобус, чтобы исполнить песни Виктора Хары и Виолетты Парра, и выбегают на следующей остановке, пока их не схватила полиция. Женщины ходят по казармам и раздают солдатам листовки с призывом не стрелять в соотечественников. Тысячи чилийцев прикалывают к лацкану пиджака значок с изображением голубя мира и выходят на улицу. Это тоже протест против диктатуры. На снимках, которые вы здесь видите, отдельные моменты всенародной борьбы против фашистской диктатуры. Борьба продолжается и в те минуты, когда вы читаете эти строки.

«Я УЗНАЛ МОЙ НАРОД В ПИНОЧЕТОВСКИХ ТЮРЬМАХ»

ИНТЕРВЬЮ ЧИЛИЙСКОГО ЖУРНАЛИСТА УЛИСЕСА ГОМЕСА ФРАНЦУЗСКОМУ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКУ «РЕВОЛЮСЬОН»

«Я узнал мой народ в пиночетовских тюрьмах»,— говорит Улисес Гомес, чилийский журналист, недавно изгнанный из Чили, после того как он отбыл семь лет строгого тюремного заключения из одиннадцати, к которым был приговорен.

Девять тюрем, девять городов — невеселый маршрут. Гомес разговаривает, вышагивая по комнате из угла в угол, как если бы он все еще находился в камере. Он очень обеспокоен положением политических заключенных, этих «настоящих заложников диктатуры». Он без ненависти описывает свою жизнь в тюрьме и утверждает, что готов начать все сначала, лишь бы «Чили вновь обрела демократию». Он заявляет, что верит в будущее своей страны, «несмотря на долгий путь, который нам предстоит еще пройти».

Вопрос: Вы попали в тюрьму 5 октября 1979 года. То есть через шесть лет после государственного переворота, свергнувшего правительство Сальвадора Альенде. Как складывалась ваша жизнь до того, как вы были арестованы охранкой Пиночета?

Ответ: Со дня государственного переворота я ушел в подполье. Будучи журналистом, я продолжил свою профессиональную деятельность, нацелив ее против диктатуры. Я писал для журнала «Ребельде» — ежемесячника «Левого революционного движения». Мне приходилось часто менять квартиры, улицы, города и свою внешность, чтобы меня не выследили. Однажды я ехал к себе поздно ночью. У меня появилось нехорошее предчувствие. Но все было спокойно. Однако, как только я вошел в дом, на меня набросились агенты Национального информационного центра[1]. Я не успел выхватить пистолет. Схватка продолжалась несколько минут, и в конце концов они прижали меня к полу, угрожая оружием. Агенты НИЦ избили меня и обыскали дом, после чего завязали мне глаза и увезли в одну из своих казарм.

Четырнадцать лет спустя после военно-фашистского переворота в Чили, 11 сентября 1973 года, на печально знаменитом стадионе в Сантьяго, где были замучены сотни патриотов, где погиб Виктор Хара, собралась многотысячная манифестация с единым требованием — «Свободу!». Свободная Чили — это Чили без Пиночета, это демократическая Чили.

Вопрос: Будучи противником правительства Пиночета, вы знали, как обращаются с политическими заключенными в Чили. Какова была ваша первая реакция после ареста?

Ответ: Я думал, что меня собираются убить. Мне было страшно, хотя это чувство и нелегко описать. За пять дней, пока я там оставался, я похудел на шесть килограммов. Может, это и называется страхом?

Но мне повезло.- Меня не пытали. Они только избили меня. В тот период, после того как в одном из зданий НИЦ под пытками погиб профессор Альварес Сантибанес, диктатура пыталась улучшить свою репутацию. Убийство профессора вызвало всеобщее возмущение. Я думаю, что именно это спасло меня от пыток.

---

[1] *НИЦ — политическая полиция. (Здесь и далее прим. ред.)*

Однако в течение трех дней и ночей они не прекращали допрашивать меня, и я не мог знать, собираются ли они оставить меня в живых. Особенно они пытались подавить меня психологически. На четвертый день, когда я стал засыпать, я проснулся от странного запаха. Они впустили в камеру собаку, чтобы запугать меня. На пятый день я предстал перед военным трибуналом и был осужден за перевозку оружия в целях свержения правительства. Перед военным судьей я отстаивал свое право бороться против незаконного режима.

Вопрос: В тот же день вы были переведены в исправительную тюрьму в Сантьяго, где содержится около шестидесяти политических заключенных, размещенных на «пятой улице» (так называют отделение тюрьмы, отведенное политическим заключенным). Каково было ваше положение с юридической точки зрения?

Ответ: Сначала меня поместили на семидневный срок в камере с уголовниками. Затем перевели к моим товарищам с «пятой улицы». Я был глубоко взволнован этим. Я почувствовал, что оживаю. Какой парадокс! Ведь в действительности я находился в тюрьме. Однако это был самый счастливый момент в моей жизни.

Вопрос: Сегодня в Чили насчитывается около 1100 политических заключенных. Учитывая, что столкновения между военным правительством и оппозицией постоянно обостряются, не думаете ли вы, что покушение на Пиночета ухудшило условия их содержания?[2]

Ответ: Совершенно ясно, что все то, что происходит за пределами тюрьмы, касается и «заложников диктатуры». Быть в тюрьме не означает быть исключенным из национальной действительности. Политзаключенные — не живые трупы. Они связаны с политическими организациями. Совместно с народом они участвуют в борьбе против диктатуры, выступая против чинимого правительством произвола.

Но разговоры о том, что покушение на Пиночета стало предлогом для оправдания репрессий, я считаю фальшивыми и вредными. В феврале 1981 года политзаключенные были разбросаны по всем тюрьмам страны, перемешаны с уголовниками и подвергались грубому обращению со стороны жандармов. Позднее нас даже пытались отравить, погибли два наших товарища. В августе 1983 года, после первых проведенных дней протеста, во время операции по прочесыванию рабочих кварталов было убито сорок человек. Но следует ли из этого, что надо прекратить проведение дней протеста?

Вопрос: С февраля 1981 года вы начали «путешествие» по пиночетовским тюрьмам, но теперь в гораздо более тяжелых условиях. Вам пришлось непосредственно соприкасаться с уголовниками. Каковы были ваши отношения с ними?

Ответ: Жандармы отправили меня в другую тюрьму в Сантьяго, где в ужасных условиях содержались две тысячи человек. На площади в шесть квадратных метров по пятнадцать часов в день находилось от восьми до двенадцати заключенных. Кроме того, наши нравы отличаются от нравов уголовников. И мы вынуждены были быть молчаливыми свидетелями различных сцен во избежание ссор с другими осужденными. К счастью, в этой тюрьме я находился всего три месяца. Затем я был переведен в тюрьму, которая находится в ста пятидесяти километрах к югу от Сантьяго.

Вопрос: Чем можно объяснить столь частые переводы политических заключенных из одной тюрьмы в другую, в то время как уголовные постоянно содержатся в одном месте?

Ответ: Диктатуру пугала возможность нашего сплочения. Она считала, что эта «болезнь» может перерасти в эпидемию среди уголовников и таким образом нарушить тюремный «мир». Но для меня перевод был почти что благословением. В новой тюрьме содержались только крестьяне. Даже охранники были менее агрессивны. За девять месяцев пребывания там я близко сошелся с крестьянами. Их образ мышления резко отличается от городского. Особенно от моего образа мышления «мелкобуржуазного интеллектуала» левых взглядов, привыкшего размышлять над происходящим в стране, в действительности же ее не зная. Вот почему я говорю, что открыл для себя свой народ в пиночетовских застенках. В тюрьмах я встречал людей, которые не были преступниками. Это были люди, укравшие что-либо потому, что им было нечего есть. Все они труженики земли, политически слаборазвитые, но люди великодушные. К сожалению, у меня не было времени глубоко объяснить им причины моего пребывания в тюрьме. Внезапно, а это также один из методов психологического давления, мне объявили о переводе в тюрьму в Темуко, находящуюся в ста километрах к югу от Сантьяго.

Вопрос: Вы были посланы в район, население которого в большинстве составляют индейцы мапуче. Это свой особый мир в стране, где сначала испанцы, а потом и чилийцы чуть было не уничтожили их полностью.

Ответ: Будучи жертвами расизма, мапуче лучше понимают крестьян и ту борьбу, которую ведет народ против Пиночета. В декабре 1984 года Чили находилась на осадном положении. Как раз тогда в тюрьме меня били больше всего. За ничтожный проступок начальник тюрьмы отправил меня в карцер. Я сумел выбраться оттуда и вернулся в свою камеру. За это тридцать охранников стали избивать меня как собаку. Индейцы мапуче организовали чуть ли не бунт, чтобы вырвать меня из рук тюремщиков. Им удалось остановить расправу, но жандармы направили меня в дисциплинарную тюрьму в Виктории.

Здесь занимались тем, что лишали людей их нормального человеческого облика и превращали в настоящих марионеток. Заключенных постоянно пытали. Мне не пришлось пережить самые ужасные пытки, но видеть и слышать страдания других уже психологическая пытка. В день моего перевода в тюрьму в Лаутаро начальник тюрьмы в Виктории показал мне большое количество присланных от прогрессивной общественности писем, требующих моего освобождения. Такие демарши не остаются не замеченными охранкой. Они сознают, что диктатура не может существовать вечно, и заранее начинают обеспечивать себе пути к отступлению.

Вопрос: Не думаете ли вы в этой связи, что своим освобождением вы обязаны, в частности, Франции, предоставившей вам политическое убежище?

Ответ: Прежде всего надо сказать, что я был изгнан из страны, а не освобожден. Но для того, чтобы ответить на ваш вопрос, рассмотрим один пример: в Лаутаро я подвергся двадцатипятидневному наказанию за проступки, которых не совершал. Меня оставляли полуголым в камере, пол которой постоянно заливали водой. На двадцать пятый день моего пребывания я стал неудобным для тюремщиков в связи с протестами мировой общественности против моего заключения. Тогда было решено направить меня поближе к Сантьяго, в тюрьму в Курико. С марта 1985 года и начинается мой долгий путь в изгнание.

Немногим раньше я побывал в тюрьме в Талька, где мне лечили зубы, на сей раз благодаря вмешательству Международного Красного Креста. В июле 1986 года, последние двадцать дней до моего отъезда во Францию, я провел в тюрьме «Сан Мигель» в Сантьяго, где находилось большинство политзаключенных страны. Наверное, то были самые длинные двадцать дней в моей жизни. Я всегда пытался свыкнуться с диким миром, который являет собой тюрьма. Мир, где невзгоды превращают людей в животных. Мир, в котором кошка — привилегированное животное, хороший друг — в один из дней становится хорошо отваренным в кастрюле «тюремным кроликом», как там говорят. Это мир, где к тараканам испытывают благодарность за то, что они помогают охранять здоровье заключенных, поскольку поедают клопов.

И вдруг — Франция, свобода, невеста, друзья. Странная, непривычная ситуация. Противоречивая ситуация: сейчас Пиночет переживает самый трудный период в своей истории, ибо политическая борьба усиливается. А я нахожусь вдали от родины и не могу участвовать в этой борьбе...

---

[2] *Имеется в виду неудавшееся покушение на Пиночета, совершенное 7 сентября 1986 года антифашистской группировкой.*

ВАШЕ МНЕНИЕ?
ВАШЕ МНЕНИЕ?
ВАШЕ МНЕНИЕ?

ЛЮДИ СЛОВА

Ричард ПЕК,
американский писатель

В послевоенные годы над романом нависла страшная угроза — телевидение. Но после более тридцатилетней оккупации Америки телевидением оказалось, что ему не удалось уничтожить роман. Появилась даже его новая разновидность — роман для подростков, которым кормится и само телевидение. Нет, роман не умер. Это старая наковальня, о которую разбился не один молот. В мире преходящих ценностей он оказался долгожителем, являя собой некий компромисс между строгостью формы и свободой содержания.

У романа своя архитектура. Его каркас должен строиться на почве узнаваемой реальности. Кровля его — надежда, то, что заключено внутри его,— человеческое сердце. Дуновения моды лишь слегка колеблют ставни этого здания, но они не в силах погасить источник струящегося из него света. Роман — наша излюбленная форма воплощения жизни. Но как разнообразно может быть это воплощение! Мы предлагаем нашим юным читателям книги об их реальной жизни, а их портфели и ящики столов набиты «готическими» романами. «Готический роман! — восклицаем мы в недоумении.— Но почему именно вы, молодежь, стремитесь читать жизнеописания невинных дев?» И тем не менее они читают именно это. Мы предлагаем им правду, они же стремятся уйти от нее. Но такова издавна существующая традиция жанра — дать читателю отдушину. Ведь, проживая собственную жизнь, ты становишься тем, кем можешь. Читая роман, представляешь себя тем, кем желаешь.

Я намереваюсь взяться за новый роман и ищу свежего восприятия, иного угла зрения. Я пытаюсь подступить к моим читателям с той стороны, откуда они меньше всего этого ожидают. Я использую малейшую возможность подобраться к ним поближе, подслушать, чем они живут. Мне редко случается увидеть их в домашней среде, то есть там, где все и начинается. Но уж когда мне это удается, я стараюсь запечатлеть в своей памяти увиденное как можно лучше.

На днях я был в гостях у своих старых друзей. Они живут в богатом пригороде и имеют пятнадцатилетнюю дочь. Я вижу так мало родителей подростков, что у меня уже выработался некий их стереотип. Мне они никогда не пишут, а если доводится с кем-нибудь из них встретиться, я узнаю, как правило, две вещи — что их дети невероятно одаренные и что наркотиков они не принимают. Поговоришь с родителями — дети у них гениальные, поговоришь с детьми — скорее нормальные.

Но эти мои старые друзья совсем другое дело. Они пошли на определенные жертвы, переехав в пригород, чтобы их дочь могла перейти в школу, которая обеспечит ей хорошую перспективу и в отношении места в жизни, и в смысле образования: окончив ее, она сможет поступить в привилегированный колледж.

Осенью девочка пойдет в эту самую школу, и мать ее в отчаянии. Она боится, что ее дочь не сможет соответствовать контингенту школы ни в социальном плане, ни с точки зрения учебной подготовки. И мне думается, что ее опасения далеко не беспочвенны. Мать с дочерью на ножах. Они совершенно не умеют друг с другом ладить. И мать пытается поговорить со мной. В конце концов, я же пишу книги для подростков, и во всех моих книгах решаются те или иные их проблемы. Мать хочет, чтобы я разрешил и ее трудности. За долгим утренним кофе мать говорит: «Вот пройдет лето, и она отправится в новую школу. Мне хочется, чтобы лето здесь внесло в ее жизнь хоть какое-то разнообразие. У нее нет ни друзей, ни увлечений, ни уверенности в себе. Как бы я хотела дать ей все это!» «Может, послать ее в молодежный лагерь,— говорит она.— Может, там она найдет себе друзей? Пусть теннисом займется, или плаванием, или танцами. Хоть перестанет выглядеть такой усталой и злой».

Но что бы она ни предлагала дочери, та отвечает ей: «Не хочу я ничего, а будешь заставлять, запрусь у себя и не стану выходить».

Про себя я думаю, что именно так она и поступит. У нее нет никакого желания противостоять вызову внешнего мира. Для нее это настоящее сражение. И конечно же, ей лучше оставаться дома, где все свои баталии с родителями она без труда выиграет. В этом доме ей все дозволено, куда же ей из него стремиться? Весь остальной мир живет по очень жестким правилам.

«Она ко всему безразлична,— мать

уже готова разрыдаться,— но я не могу смириться с мыслью, что она все лето проваляется в постели перед телевизором».

Матери не приходит в голову запретить дочери вообще смотреть телевизор. Это еще одна схватка, которую ей суждено проиграть. Она ждет, что я ей отвечу. Она не станет делиться своими проблемами с соседскими матерями, у нее есть своя гордость. Потому-то она и обращается к человеку постороннему, потому-то и ждет от него готового решения.

У меня его, конечно же, нет. Жизнь все-таки не книга. Но что-то я должен ей сказать.

А может, не обращать на дочь внимания? Пусть валяется в постели, пока сама себе не надоест и сама не придумает, чем себя занять. Что, если дать ей хоть раз в жизни действовать самостоятельно вместо того, чтобы вызывать в ней протест против любых ваших предложений?

Большого воодушевления у матери я не вызвал. Ведь я не открыл ей волшебного секрета. От мужа помощи тоже ждать не приходится. Для него его безупречная дочь словно принцесса в башне замка. Мать же считает, что девочка — узник в этой башне, узник, сам себя заключивший в темницу. И женщина остается один на один со своей, как ей кажется, исключительной проблемой. Ей и невдомек, сколько есть мальчишек и девчонок, похожих на ее дочь. Она же замечает только проносящихся мимо ее дома загорелых, ловких и веселых ребят в теннисной форме, размахивающих ракетками. И мать уже жалеет, что переехала в этот светский район, и мечтает продать дом.

Вот какой ад мы (американцы) уготавливаем себе и своим детям. Мы пытаемся предупредить малейший намек на их промах, а они терпят одну неудачу за другой прямо на наших глазах, несмотря на обилие отличных отметок. Мы ограждаем наших детей от мнимой опасности городских школ и увозим их в пригород, но и здесь гармония присуща лишь пейзажам. Мы посылаем ребят в частные школы, где ведется жесточайшая социальная борьба и где им гораздо легче пристраститься к наркотикам, приобретая их на деньги, которыми мы пытаемся купить их расположение.

Но вот я сажусь за первую страницу романа и знаю одно, причем знаю не от своих профессоров, а от студентов, с которыми позднее занимался сам. И вот в чем заключается мое знание — книга в первую очередь должна быть занимательной. Этому не научишься, специализируясь по английскому языку. Мы не можем потрясать нашу аудиторию картинами, как это делают в кино и на телевидении, мы не можем читать им проповеди, подобно церковникам или президентам студенческих советов. Мы должны развлекать.

Развлечение дает телевидение и, конечно же, кино. Но ни телевидение, ни кино не составляют серьезной конкуренции книге. Телевидение давно уже обвиняют во многих наших бедах, и, по правде говоря, ему есть за что нести ответственность. Телевидение вцепилось в молодежь и парализовало ее. Большинство подростков не в состоянии даже понять, в кого стреляют на экране, в Мартина Лютера Кинга, в папу ли римского, в президента ли США. Для них все кино, все забава. И эта огромная масса подростков, пораженная новым видом детского паралича, не имеет к нам с вами никакого отношения. Они были потеряны для нас еще до того, как пошли в школу. Но телевидение ведь не просто средство развлечения. Оно дает молодежи нечто большее — некий ритуал, причем гораздо более устойчивый, чем может предложить любой роман. Благодаря этому ритуалу телевидение становится религией. Оно обещает в каком-то смысле вечную жизнь, гарантируя зрителю, что вечер следующего четверга будет абсолютно таким же, как и вечер нынешнего. И подростки предпочитают повторные просмотры новым передачам, стремясь избежать даже намека на неожиданность. Нет, телевидение — это не развлечение. Его основная задача — потакать невежеству. Люди стали на удивление терпимы по отношению к безвкусице телевизионных передач и вместе с тем проявляют поразительную злобность цензоров в своих нападках на книги. И чем более безграмотным становится наше общество, тем прочнее делается его зависимость от кинопродукции и растет его недоверие к книге. Для не умеющего читать книги превращаются во враждебные существа, а библиотекари — в их верных стражей. Нам с вами надо быть к этому готовыми, смело смотреть фактам в лицо и не ждать ниоткуда поддержки. Многие подростки не умеют сегодня читать достаточно хорошо, чтобы полностью понимать, о чем говорится в книге, и получать от чтения удовольствие. Так дело может дойти до гибели национальной культуры, но здесь нет вины книгопромышленников. Ответственность несут те политические деятели, которые, не видя пользы в поднятии культурного уровня людей, усматривают ее в процветании неграмотности. Они прямо заявляют, что нам не следует обучать детей иммигрантов английскому языку, потому что таким образом они якобы окажутся отлученными от собственного культурного наследия. И мы не властны над всем этим.

Мы одиноки в своих устремлениях привлечь молодежь к книге, дать ей почувствовать возможность выбора. Все остальные хотят для них простых решений, а их не существует.

И вот, чтобы завоевать внимание молодежи, мы вынуждены чем-то ее привлечь. Для подростка нет, как известно, ничего заманчивей возможности приобрести друзей, причем друзей куда более достойных, чем их приятели и чем они сами, друзей верных и надежных. Беря в руки книгу, подросток надеется найти в ней и героев, на которых мог бы сам стать похожим, и более благоприятную атмосферу, чем та, что окружает его. Ребятам неинтересно читать про свои трудности, значительно привлекательнее чужие проблемы, их куда легче разрешить, чем свои собственные. В книгах подросток стремится найти свой идеал.

Один такой читатель вдохновил меня на написание моего последнего романа. Я выступал в одной из библиотек Торонто перед семиклассниками. Беседовал с ними о книгах и в какой-то момент обратился к мальчишкам, державшимся одной сплоченной группой: «Скажите-ка, а какие вам нравятся книжки? Чтобы мне не надо было угадывать». Они отвечали, что им интересно читать о жизни спортсменов, об автомобилях, сделанных по индивидуальным заказам, о второй мировой войне. Как вам известно, под второй мировой войной они понимают книги про нацистов.

Я уже был знаком с этим выхолощенным списком тем и вот вновь с ним столкнулся. Он соответствует истинному интересу весьма условно. По окончании встречи я задержался. Всегда ведь находятся отдельные граждане, имеющие свое личное мнение и не желающие его обнародовать. Сначала я подумал, что остался в зале один, но оказалось, что рядом со мной стоит и смотрит на меня мальчик. Удостоверившись, что нам никто не помешает, он спросил:

— Послушайте, а вы писали что-нибудь про свидания?

— Про свидания? — переспросил я.— Ты имеешь в виду нехудожественную литературу?

— Что? — не понял он.

— Ну, руководство, что ли,— пояснил я.

— Да нет,— замялся он,— я имею в виду, знаете, ну, историю.

— Историю про любовь,— догадался я.

Он кивнул, глядя куда-то в сторону.

Я пожалел, что у меня не было книги на эту тему. Ведь вот парнишка нашел в себе смелость задать такой вопрос. Свидания и любовь, разумеется, не должны его касаться. Это проблемы публики зрелой, светской — девятиклассников. А он, семиклассник, пока что прочно сидит в зале ожидания, называемом половым созреванием. Подростки любят читать про любовь. Я шел домой и думал. Сумею ли я написать книгу, способную завоевать юного читателя, историю любви, совершенно не похожую на те, что печатаются тысячами? Да, пожалуй, буду писать от лица мальчика. Мальчишкам наверняка понравится. А девчонки с удивлением узнают, что у парней тоже, оказывается, есть чувства. Матери-то им об этом никогда не говорили, они их все предупреждают, что пар-

ням одного только и надо. Как жестоко они заблуждаются!

Итак, повествование ведется от лица мальчика, потерявшего свою первую любовь. Его избранница не предпочла ему другого, нет. Она умирает. И парень, естественно, считает, что эта любовь единственная в его жизни. Его никто не учил, как нужно справляться с горем, особенно со своим собственным. Он не должен показывать своих чувств — ведь он же мальчишка. Его отец готов отдать все на свете, лишь бы избавить сына от страданий, но он не может найти нужных слов утешения. Поэтому парнишка может поделиться своим горем только с читателем. Читатель выстрадает немало вместе с героем и вместе с ним будет вознагражден: сопереживание — душа романа...

Роман — наиболее верное средство воздействия на молодежь восьмидесятых годов, именно потому что благодаря повторяемости создается определенный ритуал. Подростки в этом невероятно нуждаются. В школе им предоставлено самим выбирать, какие предметы изучать, дома — все дозволено. Подобная свобода порядком подутомила подростка, он ищет для себя какой-нибудь опоры.

Роман строится на почве реальности, но должен высоко вознестись над нею в заоблачные выси надежд и исполнения желаний. Иначе в лучшем случае он уподобится газете, а в худшем — проповеди. Форма романа дает свободу, но не допускает вольностей. Секрет ее обаяния в ее повторяемости, столь милой и приятной сердцу читателя. Агата Кристи великолепно понимала это.

Роман — развлечение для подростка. Но мы с вами, люди, работающие со словом, призваны не только развлекать и отвлекать. Мы еще ведем постоянный поиск уцелевших. Мы ищем их в хаосе пришедшей в упадок системы...

Мы ищем их на развалинах американской общеобразовательной школы, которая когда-то обещала дать путевку в жизнь всем гражданам независимо от их происхождения...

Мы ищем их на руинах общества, которое начало было подниматься из пучины неграмотности, но было ввергнуто в нее вновь...

Мы стремимся отыскать уцелевших от последствий домашней вседозволенности, а таких единицы. Поиски наши ведем мы в условиях крайне неблагоприятных — против нас и так называемые «выходцы из благополучных семей», и предводители уличных банд, чьи преимущества перед нами неоспоримы; против нас и само поколение, лишенное способности к общению.

Но есть и иная Америка, возникающая из книг, уже написанных, и из тех, которым еще только суждено увидеть свет.

Перевела с английского
М. ДУБРОВСКАЯ

КРАСНОРЕЧИВОЕ МОЛЧАНИЕ

Марсель МАРСО
Фото И. КРАВЧЕНКО

Два года назад Марсель Марсо приезжал на гастроли в Москву, и корреспонденты «Ровесника» договорились с ним об интервью. Знаменитый мим назначил встречу сразу после спектакля. Спектакль не состоялся. Из Театра эстрады Марсель Марсо прямо в гриме был срочно доставлен с обострением язвенной болезни в одну из московских клиник. Затем — операция, возвращение домой на специально присланном из Франции самолете, долгое выздоровление.

И вот не так давно в американском журнале «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» появилась статья Марселя Марсо, в которой он рассказывает о себе, о своем искусстве. Мы подумали, что перевод этой статьи может в какой-то мере восполнить несостоявшееся интервью.

На самом деле я люблю говорить. Слова выражают чувства и создают образы, а образы дают возможность понимать людей. К сожалению, с помощью слов можно и лгать. В пантомиме лгать нельзя. Надо играть обдуманно и искренне. В пантомиме зритель воспринимает действия быстрее, потому что в ней нет слов. Пантомима напоминает аромат цветов, наблюдая ее, вы как бы вдыхаете запахи жизни — и тонкие, и грубые. А публика в своем сознании должна воссоздать слова, которые слышатся ей в молчании.

Сценическое искусство и без слов оказывает воздействие на зрителя. Танец передает ощущение человеком ритма. Музыка создает настроение и образы. Даже сила оперы — где сюжет основан на судьбе действующих лиц — в музыке, а не в словах. Мим тоже должен создать полнокровный образ, но в молчании. В моих сценах «Рождение, молодость, старость и смерть» мне за четыре минуты нужно воспроизвести жизнь человека. Можно ли найти для этого лучший образ, нежели цветок, расцветающий, а затем увядающий. Именно в этом значение возрождения пантомимы, она выражает хрупкость и суть жизни. В ее театре, где не звучит ни единого слова, движения актера на сцене позволяют невидимому стать видимым.

Я использую молчание для того, чтобы публика почувствовала глубину, законы и музыкальность нашего искусства. Я всегда сочетаю его с комическим, поскольку сила молчания особенно ощущается в сочетании с комическими жестами. Но так же замечательно сочетаются музыка и молчание, поскольку музыка создается в молчании, а молчание наполнено музыкой. Музыка играет большую роль в лирические и трагические моменты, поскольку она создает настроение, рисует характеры, будит воспоминания. В сценах, которые я назвал «Бип совершает самоубийство», мелодия — это память о женщине, которую он любил. В «Бабочке» я использую классическую гитару и с помощью музыки передаю треволнения жизни. Помню, как однажды в Пуэрто-Рико я встретился с Пабло Казальсом [1], который был моим

[1] *Великий испанский виолончелист XX века.*

большим другом. По его словам, он был потрясен тем, как молчание превращалось в музыку, а затем вновь становилось молчанием. Это сочетание чрезвычайно интересно. Но думаю, я мог бы выступать без музыкального сопровождения на протяжении двух часов, и публика чувствовала бы музыкальность молчания. На самом деле музыка в пантомиме иногда бывает уступкой публике.

Мое настоящее имя Марсель Манжель, я родился в Страсбурге в семье, которую принято называть «простой». Мой отец — выходец из Польши, был мясником и замечательным человеком. В его семье были музыканты и танцоры, а сам он хотел стать певцом. Моя мать тоже была очень артистична. Мне было всего 15 лет, когда началась война. Мы отправились в Перигё, на юго-западе страны, где мой брат Аллен и я присоединились к французскому Сопротивлению. В феврале 1944 года отца отправили в Освенцим, и больше мы его не видели. Гестапо разыскивало и нас. Впоследствии я пробрался в Париж, где жил в доме, в котором прятали еврейских детей и участников Сопротивления.

Я хотел стать говорящим актером. Сразу после освобождения Парижа в августе 1944 года я начал учиться в «Театре Сары Бернар», название которого нацисты изменили, потому что она была еврейкой. Но затем я вступил в Первую французскую армию и воевал в Германии до конца войны. Когда наступил мир, я стал офицером связи с американской армией, поскольку хорошо говорил по-английски. Я также начал выступать с представлениями для американских солдат. И первая рецензия обо мне появилась в их газете «Старс энд страйпс».

В 1946 году я возобновил занятия драматическим искусством в Париже. В те дни пантомиме отводилось незначительное место, как и фехтованию. Большинство актеров считали пантомиму слишком утомительной. Но меня она захватила. Со временем я создал собственную мимическую труппу. Нас было всего трое или четверо, но тогда мы были единственной мимической труппой в мире. Это стало подлинным началом возрождения пантомимы. Наверное, в 1947 году на сцене «Театр де пош» в Париже я создал образ Бипа, а в последующие годы поставил 26 мимических драм — это были целые спектакли-пантомимы.

Однажды в кинематографическом журнале кто-то написал, что, если бы кинематограф не был изобретен, Чаплин стал бы Марселем Марсо своего времени. Я был в восторге, ведь он действительно был моим творческим отцом. В детстве я был под впечатлением киноактеров Стэна Лауреля, Бастера Китона, но — Чаплин! Он занимал особое место. Наконец в 1967 году я встретился с Чаплином, тогда ему было 78 лет. Случилось это в парижском аэропорту. Я рассказал ему, что в своих американских сценах я отдавал дань уважения Великому немому (кино.— Ред.), и тут же начал изображать Чаплина. Вдруг он пошел рядом со мной — мы оба стали изображать Чаплина посреди аэропорта! Со мной был кинооператор, но я сказал ему: «Не снимай, а то Чаплин подумает, что я использую его для саморекламы, и все будет испорчено». До сих пор жалею об этом. Эти кадры стали бы замечательной памятью.

Мой Бип, как и бродяга Чаплина, смертен. Невозможно быть смешным или трагичным, не добившись контакта со зрителем, не выразив своей социальной позиции, например, как это делал Чаплин, играя пекаря или фабричного рабочего. В дни моей молодости, когда мы наивно считали, что техника победила насилие и мы добились мира во всем мире, Бип гонялся за бабочками и пытался стать укротителем львов. Но сегодня Бип участвует в современной жизни. Я создал новую пантомиму, которая возвращает меня в детство, в дни войны, дни преследований, во времена жестокости, которая возродилась вновь в виде терроризма. В ней Бип — фабричный рабочий, пытающийся справиться с вышедшей из-под контроля техникой, как Чаплин в фильме «Новые времена». Неожиданно оказывается, что он сражается против компьютеров, против мира, в котором чувствует себя чужим. Техника начинает господствовать над человеком. Ядерная угроза многолика. И вот человек возвращается к состоянию обезьяны, обезьяна, не ведая, что творит, берет два камня и бессознательно ударяет ими — внезапно вспыхивает огонь. И благодаря огню эволюция начинается вновь, и вновь появляется человек. Но чем дальше он уходит вперед, тем больше отстает, потому что не находит места в океане времени. Я говорю об этом без пессимизма. Исчезают цивилизации, но человек возвращается. С каждой смертью мы возрождаемся вновь.

Я слышал, что некоторые называют меня «классиком» и даже «легендой своего времени». Конечно, мне нравится, когда так говорят. Но время идет быстро, а люди быстро все забывают. Когда одно поколение сменяет другое, всегда что-то утрачивается, что-то забывается. Важно остаться классиком после смерти. Один из путей достижения этого — научить пантомиме как можно больше молодых людей. В Париже у меня есть школа пантомимы, но я хотел бы, чтобы это искусство стало частью школьной программы как музыка. Появилось и новое поколение молодых профессиональных мимов. Многие развивают собственный стиль. Есть даже группы анти-Марсо, утверждающие: «Марсо старомоден». Даже если мим избирает себе иной путь, это не важно. Наоборот, это здоровое явление.

Я уделяю все свободное время своей школе, в которой по трехлетней программе учится 70 студентов из 26 стран. Кроме того, каждое лето я провожу двухнедельный семинар мимов в Центре исполнительских искусств в Анн-Арборе в штате Мичиган, США. Я надеюсь, что мы сможем превратить его в полноправный центр мировой пантомимы. Это стало бы моим наследством Америке, которая с тех пор, как я впервые приехал туда в 1955 году с мимическим спектаклем, стала для меня второй родиной. Американцы очень открытый народ, и они любят зрелища. Исторический опыт Америки отличается от всего остального мира. Она не пережила пятилетней оккупации, у порога ее дома не было того, что было у нас. Память — это то, что вы видели собственными глазами в детстве, а не то, что видели по телевидению и что забудете через месяцев шесть.

Когда пару лет назад я был на гастролях в Москве, у меня случилось прободение язвы, и меня оперировали. Я поправился через четыре месяца, но теперь острее ощущаю хрупкость жизни. Я хочу лелеять жизнь, как лелеют цветы, оберегая ее хрупкость и красоту.

Еще я хочу, чтобы через 50 лет люди помнили, что Марсель Марсо повторно возродил искусство, которое было утрачено, что он не просто развлекал, а оставил в наследство пантомиму, и в сознании людей глубоко укоренилось, что пантомима — форма искусства, которая отражает наше внутреннее психологическое состояние и что с помощью молчания и движения можно изображать людей, смешных или грустных. Может быть, мое искусство пантомимы, которое отражает устремления человека, приближается к философскому осмыслению того, почему и как мы живем? Это не ответ, а вопрос. Но, может быть, в нем также содержится и ответ. Общение путем молчания помогает человеку размышлять. В нашу эпоху невероятных открытий возвращение к простому молчанию может стать не концом, а началом.

Во всяком случае, не позволяйте миму говорить. Он не остановится.

ИНСПЕКЦИЯ

Фантастический рассказ

Анджей СТОФФ,
польский писатель

Рис. А. АРХУТИКА

Все шло так, как было условлено заранее.

Когда вертолет приземлился на небольшом газоне между домами, встречать высокого гостя вышли несколько человек в форме.

Их приветственные жесты, выражение лиц и поведение свидетельствовали о том значении, какое они придавали инспекции сенатора, о надеждах, которые они возлагали на нее.

Представленные прибывшему шефом контрразведки, отвечающим за безопасность всего учреждения, они напряженно ждали момента, когда им дадут слово. Каждый из них, а тут были исключительно руководители лабораторий и научно-исследовательских отделов, готовился представить в самом выгодном свете работы, проводимые во вверенном ему подразделении. Инспекция могла привести к выделению дополнительных фондов и даже к повышению кое-кого в должности.

Окруженный свитой людей в форме (на почтительном расстоянии их сопровождали несколько вооруженных охранников) сенатор без промедления начал осмотр Центра. Его деловитость по достоинству была оценена заинтересованными лицами: возрастали надежды на расширение исследований.

Они не сомневались, что их работа произведет должное впечатление. Ведь ей они посвятили всю свою изобретательность, все свои мысли, все свое время. Прежде всего их заботили финансовые возможности для практического воплощения разрабатываемых теоретических идей. От благосклонности, а значит, и положительного отчета инспектирующего сенатора, члена финансовой комиссии, зависело очень многое.

В лаборатории планетных операций в качестве изюминки была подготовлена демонстрация рисованного фильма под условным названием «Ланцет». Сенатора посадили на самое почетное место, чуть поодаль расположились сотрудники института, вперившие в гостя настороженные взгляды. Сенатор с интересом слушал пояснения руководителя лаборатории. Фильм был немым.

— Из-за экономии ассигнований,— вставил кто-то в темноте, окутавшей небольшой кинозал.

Вот на экране размеренно вращается планета. Из глубины космического пространства к ней приближается одиночный корабль. По всем признакам он собирается идти на посадку, однако в последний момент вместо того, чтобы начать торможение, неожиданно увеличивает скорость и переходит на траекторию удаления от планеты. И в это же мгновение корабль направляет на планету сноп сконденсированной энергии. Ошеломляющей силы удар воспламеняет атмосферу и сметает на своем пути все, что есть на поверхности. В небывалом катаклизме разрываются верхние слои планетной коры. И вот уже сквозь гигантские, на все полушарие клубы пыли и пара сверкает пурпурное пекло обнаженных недр.

Заканчивается фильм кадрами, изображающими планету издалека, очевидно, с того расстояния, на которое к этому моменту удалились агрессоры. Планета похожа на мяч, из которого выпущен воздух. Через некоторое время на ее месте остается бесформенное облако материи.

После окончания фильма комментатор делает последнее заключение: «Для планеты, атакованной таким оружием, нет никакой возможности спастись».

В тишине, наступившей после этих слов, сенатор почувствовал, что собравшиеся напряженно ждут реакции с его стороны. Им, конечно, хочется, чтобы он разразился восторгами по поводу проекта «Ланцет». Однако он ограничился вопросом:

— Существуют ли установки, способные произвести нужное количество энергии в течение нескольких секунд?

— К сожалению, нет,— в голосе руководителя лаборатории прозвучала нотка беспокойства.

— А если бы удалось разработать необходимую установку, можно было бы разместить ее на космическом корабле?

— Нет, так как...

— Благодарю вас, это все.

Но тот, кому был задан вопрос, все же закончил:

— Нет, так как современная ракетная техника еще не располагает такими возможностями. Другое дело — в будущем, когда у нас появятся значительно более мощные транспортные корабли.

Начальник лаборатории вновь обрел уверенность в себе и говорил свободно и решительно. Его подразделение занимается разработкой идей, технические детали относятся к компетенции других лабораторий.

Потом взял слово другой специалист. На смену фильму пришли слайды. Сначала показали схему какой-то планетной системы, потом ее центральную звезду.

— Проект «Нова» является вариантом операции «Ланцет». Он разрабатывается на тот случай, когда враждебная нам цивилизация занимает не одну планету, а несколько или даже всю звездную систему. Располагая установками, о которых говорилось ранее, можно нарушить гравитационное равновесие звезды, спровоцировав тем самым ее взрыв.

Докладчик замолчал, и на очередных слайдах были видны протуберанцы, выстреливающие из звездного диска, потом несколько стадий деформации звезды и наконец — взрыв.

— Этот процесс невозможно остановить, к тому же бегство на космическом корабле исключено. Разлетающееся, раскаленное вещество звезды достигает всех планет и их спутников. Ближние будут уничтожены полностью, дальние — так поражены взрывом, что никогда уже в этой системе не сможет возникнуть жизнь в какой бы то ни было форме.

Никто из нас, работающих над этим проектом, не имеет ни малейшего сомнения в том, что развитие науки и техники рано или поздно предоставит в наше распоряжение необходимые средства для его осуществления.

По пути в следующее здание сенатор выслушал цифровые данные: зависимость мощности импульса от расстояния, объема и состава атмосферы и многое другое, что втолковывали ему на ходу усердные сотрудники лаборатории планетных операций, шелестя листками с расчетами.

В лаборатории тактики космических операций всех завели в небольшой зал, а место на кафедре занял самый опытный — как его представили визитеру — из работающих в лаборатории экспертов.

Похоже было, что начинается долгая лекция. Сенатор огляделся, ища глазами шефа контрразведки. Тот стоял недалеко от двери, сложив руки на груди, вид у него был сугубо штатский. А тем временем с кафедры звучали слова о необходимости использовать для боевых действий в космосе законы физики и явления природы. Сенатор не слушал лекцию. Он думал: то, что он увидел в Институте, напомнило ему самые кровожадные идеи из третьесортной научно-фантастической литературы.

Инспекция продолжалась. Окруженный свитой сенатор переходил из одного корпуса в другой, знакомясь со все новыми лабораториями.

В лаборатории косвенных операций его познакомили с проектом «Луна», который предусматривал сбрасывание естественного спутника на поверхность вражеской планеты. Проект под названием «Метеор» предполагал для уничтожения вражеской планеты использовать поток метеоров.

Сенатор был подавлен обилием разрушительных замыслов. Его замечание, произнесенное вполголоса,— все это превосходит самые смелые ожидания,— вызвало удовлетворение у тех, кому удалось его расслышать.

Но это был еще не конец.

В лаборатории мягких воздействий гостя ознакомили с широким ассортиментом репрессивных мер, которые могли быть приняты против цивилизаций с относительно невысоким уровнем развития техники, но представляющих интерес, как поставщики сырья или просто как стратегические объекты. Воздействия на погоду, с тем чтобы вызвать, например, ливневые дожди в период уборки урожая, локальные пожары, тайфуны и землетрясения,— все это выглядело довольно идиллически в сравнении с теми апокалиптическими картинами применения радикальных средств уничтожения, с которыми сенатора знакомили перед этим.

Оставалась еще лаборатория применения научной фантастики. Сопровождающий с гордостью перечислил заслуги этого подразделения. Девяносто процентов проектов, разработанных в Институте, начинались здесь.

Главным занятием сотрудников лаборатории было систематическое изучение всех новинок, проверка оригинальности идей и их разработка. Тут и там валялись пачки книг в дешевых цветных обложках.

В заключение после некоторого колебания сенатора пригласили в зал, где на овальном столе были расставлены бокалы с напитками и вазы с пирожными — чисто символическое угощение, по поводу которого кто-то не преминул заметить, что куплено оно вскладчину, дабы не истощать финансы Института.

Подняли тост «За конец Вселенной!». С момента своего появления здесь сенатор видел эти слова везде, на каждом из корпусов, в коридорах, в рабочих помещениях.

Держа бокал в руке, он внимательно всматривался в лица собравшихся вокруг него сотрудников Института. Суровые, значительные лица людей, уверенных в важности своей миссии (работу свою они воспринимали как миссию) и во имя ее готовых на любые жертвы.

Формально инспекция закончилась. Официального прощания не предвиделось, тем более что сенатору еще предстояло ознакомиться с системой охраны Института. Но прежде чем уйти, он обратился к стоящим поблизости сотрудникам с вопросом, нет ли у них каких-либо замечаний или пожеланий в связи с условиями жизни в этом изолированном от мира учреждении.

Реакция была бурной. Нет, зачем же? Они отдают себе отчет в том, что здесь не курорт, а организация, характер которой требует самодисциплины, самоограничений и самопожертвования. Они готовы идти на жертвы, лишь бы их работа приобрела конкретное воплощение.

Сенатор кивнул, что было воспринято собравшимися как выражение признания, посмотрел в сторону одинаковых, приземистых, серых домишек и попрощался.

Корпус, в который провел его шеф контрразведки, ничем не отличался от остальных. Часовой при их появлении стал по стойке «смирно». Они прошли через массивные двери, над которыми крупными буквами было написано:

Центр стратегического планирования «К»
Научно-исследовательский Военно-Космический институт
Специальный отдел

В кабинете, куда они прошли, миновав пустой коридор, царил полумрак, несмотря на полуденный час. Сенатор заговорил первым. Он говорил медленно, как бы в задумчивости:

— Да, того, что я здесь видел, конечно, достаточно...

— Скажите, не сократят ли фонды нашего учреждения в связи с последними мерами по экономии средств?

— Я надеюсь, что нет. Во всяком случае, мое мнение будет однозначным. Экономия в данном случае была бы неразумной, а может быть, даже и опасной. Меня интересует, как зарекомендовали себя применявшиеся до сих пор меры, исключающие утечку информации?

— До сих пор у нас не было ни одного случая утечки даже самой невинной информации или попытки установления контакта с кем-то вне нашего учреждения. Во многом благодаря искренней увлеченности работающих тут людей. Приходя сюда, они, как правило, порывают все связи с прошлой жизнью. До тех пор, пока они будут чувствовать, что нужны, что на них рассчитывают, они будут лояльными. Они целиком поглощены работой. Типичный пример мономании.

— А есть люди с подобными склонностями за пределами вашего учреждения?

— Мы стараемся отыскивать их как можно быстрее. Как только у нас появляется информация о ком-то, кто проявляет интерес к таким проблемам, мы вступаем с ним в контакт, наблюдаем за ним и в определенных случаях направляем сюда, естественно, соблюдая строгую секретность.

— А не было ли попыток, предпринимаемых снаружи, расшифровать истинный характер этого учреждения?

— Нет, до сих пор нет.

Сенатор поднялся с кресла.

— Мне пора. Если что случится, можете на меня полагаться. Я уверен, что сокращение фондов опасно, и постараюсь убедить в этом остальных членов финансовой комиссии, даже сторонников самой радикальной экономии.

Они пожали друг другу руки.

— В таком случае...— Хозяин кабинета подошел к книжному шкафу и нажал потайную кнопку. Шкаф с тихим шуршанием повернулся на девяносто градусов, открывая вход в соседнее помещение.

— Как видите, господин сенатор, мы располагаем самыми разными средствами сохранения тайны,— пошутил он.

Они прошли через скромно обставленное служебное помещение.

— До свидания, господин сенатор. Может, это прозвучит назойливо, но я повторяю, что я рассчитываю на вас.

— Я сделаю все, что будет в моей власти. До свидания!

Сенатор оказался в коридоре, окрашенном в светлые тона. Неожиданно одна дверь открылась, и девушка в белом халате быстро прошла ему навстречу, окинув его удивленным взглядом.

Он шел вниз по широкой старинной лестнице, не касаясь перил, отполированных бесчисленными тысячами рук.

Швейцар, очевидно, предупрежденный о том, кто он, сказал, церемонно поклонившись:

— До свидания!

Сенатор остановился на пороге. Яркое солнце ослепило его. Может, поэтому он не заметил летящего мяча. Удар вырвал его из задумчивости. Он сумел схватить мяч и огляделся в поисках виновника.

— Вот сорвиголова! Устраивают ворота из дверей, никакого уважения! — Швейцар стоял за ним и ругал запыхавшихся мальчишек, остановившихся невдалеке.

— Дяденька, вы отдадите мяч?! — Голос спрашивавшего звучал просительно и вместе с тем уверенно.

— Конечно.— Он улыбнулся и бросил мяч так сильно, как только мог, на площадку на той стороне улицы.

Подъехал автомобиль. Садясь в него, сенатор еще раз оглянулся на здание, на котором висела табличка «Окружной психиатрический госпиталь. Закрытое отделение».

Перевела с польского Н. СКОРИКОВА

«Старый опытный охотник подстерег медведицу с двумя медвежатами, которых тут же свалил. Вечером он вступил в деревню со своей добычей, и ему был устроен настоящий триумф...»

«В илистые воды Комаккьо попал заблудившийся дельфиненок. Пришлось поймать его и отправить в дельфинарий, где специально вызванный из Англии врач лечил дельфиненка не только от ран, но и от стрессового состояния. Когда пациент оправился, снарядили небольшой самолет на поиски дельфиньей стаи. Обнаружив ее в тридцати милях от берега, детеныша отвезли к его сородичам».

Первое сообщение появилось в итальянской печати в 1881 году, второе — в 1987-м. Неужели за истекший век полностью переменилось наше отношение к животному миру?

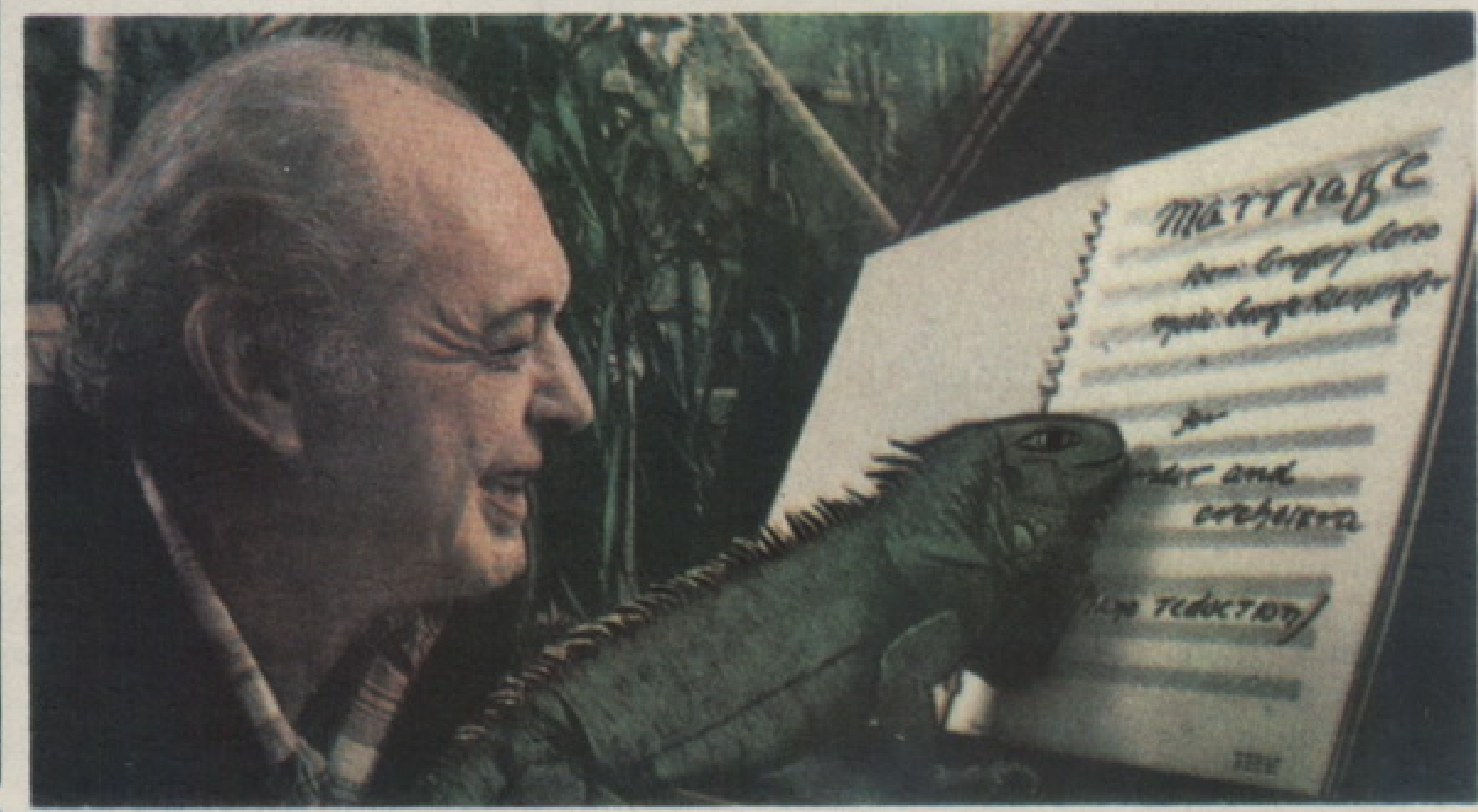
Да, сейчас человек не только изучает пение волков, но и пишет произведения на основе мелодий, напетых игуанами. Заботливо прикрывает платочком глаза медведю-гризли, дабы яркий солнечный свет не разбудил пациента, пока его оперируют. Терпеливо выдерживает объятия «светской» — цирковой — львицы. Умиляется при виде дружбы обезьян с цыплятами. Играет с бегемотами и лемурами. Все с большим успехом уничтожает колпиц, за великолепный белый убор и царственный хохолок прозванных королевскими. С первобытным упорством наш современник давит самых маленьких хамелеонов, которые выжили с динозавровой поры на острове Мадагаскар, видимо, только потому, что они якобы насылают на местных жителей порчу. Но современный человек не суеверен...

Так можно ли с полной уверенностью сказать, что за истекший век переменилось наше отношение к животному миру?

Marriage

Беззлобный Василиск

Дэл СТИВЕНС, австралийский писатель

Один-одинешенек рос в африканской пустыне сирота-василиск. Знать не знал, что не простой он червь, каких полно в пустыне, ведать не ведал, что в душе он — змей лютый, и потому всерьез себя не принимал.

Жил-поживал добродушный маленький змееныш, любил прекрасное, нюхал цветочки на цепких пустынных колючках, и невдомек ему было, что взрослые василиски ядом пышут, цветочки в пепел обращают, а камни в крошку дробят. Но вот как-то, уже на пороге зрелости, понюхал он любимый свой цветок, а цветок возьми, да и засохни. Василиск изумленно вытаращил глаза.

— Ого! — Дыхнул для проверки на соседний кустик — куст сморщился и поник.

— Выходит, я виноват,— василиск расплакался от огорчения. Забился он в свою пещеру и просидел там безвылазно три дня. На четвертый день выбрался наружу и решительно пополз через пустыню.

— Попрошу помощи у отшельника из Голубой Пещеры. Старец мудрый, наверняка поможет.— Проползая мимо кустов, василиск отворачивался: еще дыхнешь ненароком.

Старец выслушал василиска и покачал головой.

— Тут я бессилен,— сказал он.— Ты — творенье господне. Мне ли сомневаться в мудрости всевышнего, который сотворил василисков с ядовитым дыханием.— Отшельник почесал лысину.— Будь у тебя душа, аки у человека (прости, господи, за богохульство), я бы молился о ее спасении. Но души у тебя нет, хоть и не хочешь ты жечь деревья и дробить скалы...

— Камни,— скромно поправил василиск.

— Ну, камни. Так вот, твои чувства делают тебе честь. Я уверен, что язычником ты родился по ошибке...

Тут он осекся и поспешно перекрестился.

— Смирись, сын мой, и прими свой жребий. Только, ради бога, отвернись и не дыши на меня, я делюсь с тобою мудростью, что копил годами. Тебе своей участи не изменить. Она предопределена свыше.

— Так-то оно так, святой отец,— сказал юный василиск.— Но, говорят, себя можно даже за волосы из болота вытащить — было бы желание! И волосы, разумеется.

— Сын мой, тебе не уйти от своей судьбы, как не уйти от нее москиту, что вьется над тобой.

В этот миг москит укусил василиска в шею. Вскинулся василиск, повернул голову и зашипел. Старец рассыпался в прах.

При виде горстки пепла василиск прослезился.

— Жаль, хороший был человек, безвредный, хотя не по душе мне его теории. Знал бы он, что ему на роду написано такой смертью умереть — небось пропала бы охота судьбу предсказывать. Но каково! Раз — и нету!

И отправился юный василиск в Желтую Пещеру — к алхимику:

— Надо было сразу сюда ползти, а не к этому жеребьевщику участливому: «жребий», «участь»...

Выслушал василиска алхимик и весело посмеялся над бесславным концом святоши.

— Вот его теория и воплотилась,— заметил алхимик.— Не тревожься, мой мальчик, мы тебя живо вылечим. На каждый яд имеется противоядие. Только дыши в сторону, не забывай.

Алхимик расхаживал взад-вперед по пещере.

— Я найду разгадку. Природа многолика, но для науки нет тайн, важно найти подход.

Он указал на кучу запекшегося свинца:

— Видишь этот шлак? Не сегодня завтра я превращу его в червонное золото! А уж твою-то проблему мы решим в два счета.

— Ага, в два счета,— подтвердил василиск.— Только вот...

— Никаких только,— оборвал его алхимик.— Ты выдыхаешь яд, следовательно, надо искать противоядие. Это же азбучная истина. Для начала предположим, что ты выдыхаешь щелочь. Тогда кислота послужит противоядием.— Алхимик налил в ложку дымящуюся жидкость из пузырька: — Глотай!

— А я не обожгусь? — засомневался василиск.

— Не робей, мой мальчик, в жизни все надо испытать! Смелее! Ничего с тобой не случится. Василиски почти неуязвимы.

— Ну если вы настаиваете...— неуверенно сказал василиск.— Кстати, что значит «неуязвимы»?

— Ты, я вижу, не только трусишка, но и невежда! Это значит, что василиска ни отравить, ни сразить нельзя, и никакой богатырь ему не страшен, ведь стоит василиску дыхнуть...

— Не-у-яз-вим! Подумать только! — обрадовался юный василиск.

— Итак, приступим! — Алхимик положил ложку на пол пещеры и отступил подальше. Василиск подполз и опасливо отпил.

Губы горят, в глазах мутно от слез — василиск отчаянно замотал головой.

— Жжется! — зашипел он обожженными губами.— А обещали: больно не будет!

Пометавшись еще немного, василиск окликнул:

— Эй, вы, не молчите!

Протер василиск глаза, а там, где притаился алхимик,— горстка пепла.

— Жаль, что так все обернулось,— он смахнул набежавшую слезу.— Но алхимик сам виноват: ничего толком не умеет, а задается!

Он взглянул на останки алхимика:

— Гляди-ка, этого я еще лучше, чем старичка, обработал — пепла всего ничего осталось.

Юный василиск пополз восвояси. Вдруг видит: рыцарь в доспехах. Опустив забрало, мчится он на василиска с копьем наперевес.

— Погодите, храбрый рыцарь,— закричал василиск.— Я совсем не тот, за кого вы меня принимаете! Я василиск очень мирный, я камушки люблю, цветочки!

— Готовься, василиск,— твердо сказал богатырь.— Я человек без затей, на разговоры время не трачу.

— Прошу, поверьте мне, славный рыцарь! Дыхание у меня и вправду ядовитое, но я ни деревце, ни камень, ни чело-

века не обижу. Будь моя воля, я бы весь яд из себя выдавил.

— От слова до дела далеко,— оборвал его рыцарь.— А я человек дела, верю только своим глазам. Ты — василиск. Василиски пышут ядом. Василисков надо уничтожать.

— Но я никому не желаю зла! — воскликнул василиск.

— Это ты только говоришь. Тебе дана страшная власть — жечь кусты, дробить камни, а власть развращает — так старики говорят. Берегись, василиск!

И с криком: «Да поможет мне бог!» — рыцарь пришпорил коня и устремился на василиска. Змееныш сжался от страха, на чешуе выступил холодный пот, сердце вот-вот выскочит.

— Не хочу погибать за чужие грехи! — задыхаясь, закричал он.

Подскакивает рыцарь к василиску, острие копья на солнце сияет... И вдруг затанцевали на острие голубые язычки. Голубое пламя взбежало по древку. Вспыхнула одежда рыцаря — алое-синее-белое. Конь мигом превратился в золу. Со звоном упали на нее рыцарские доспехи.

— Ух, здорово! — поразился василиск.— Жуть! Я, видно, становлюсь все злее.

Он задумчиво пополз своей дорогой.

— Похоже, против природы не устоять, как ни старайся.— Он примерился к огромной скале.— Интересно, справлюсь или нет? — Раздул щеки и выдохнул изо всех сил. Скала с треском раскололась надвое.

— Эко я! — воодушевился василиск.— Видали! А ну-ка, посмотрим, что будет с тем дубом! — Он мощно выдохнул. Дуб задрожал и, громко стеная, разлетелся в щепки.

— Выходит, я самый злобный василиск на свете! — воскликнул василиск удивленно.— Что этот рыцаришка болтал о власти? Ладно, черт с ним! А там что? Гора? И войско у подножия? Хм, посмотрим, на что я способен.

Василиск поскреб подбородок о камень и решительно пополз туда, где на ветру трепетали знамена.

Перевела с английского
Ольга ВАРШАВЕР

Учитель

На лесной поляне собрались лисы; большинство были среднегодки и матерые старики; перед ними держал речь крупный рыжий лис-незнакомец. Слушали его пока без полного доверия — вещал он новое, небывалое,— однако искренность и властная убежденность речи невольно захватывала. Лисы сидели тесным кружком, навострив уши; редко-редко раздавалось неодобрительное потявкивание...

— Подобно вам, лисы в нашем графстве жили прежде в варварском неведении,— говорил незнакомец,— в первобытном состоянии. Когда нас преследовали егеря и охотники, каждый лис заботился только о собственном спасении: оказался непроворен — пеняй на себя. Нетрудно представить, какие пагубные последствия это должно было иметь. Охотники и гончие редко натешивались всласть: не всякий день выпадало счастье затравить талантливого зверя, который испытывает всю их охотничью сноровку. При тогдашней нашей первобытности иначе и быть не могло... Чаще всего поднимали молодого неопытного лиса или лисицу, которых ничего не стоило загнать и убить, или же наоборот попадали на матерого зверя, который обманывал гончих с постыдной легкостью...

Послышалось робкое одобрительное тявканье. Лис между тем продолжал:

— Вы хорошо понимаете, какой великий вред — и духовный, и вещественный — приносила наша неразвитость. И охотники, и сами лисы не получали от охоты должного эстетического удовлетворения; кроме того, в нашем обществе возникала возрастная диспропорция — слишком много старых лис и слишком мало молодежи. У вас, я вижу, все обстоит так же...

Эпоха варварства могла бы длиться вечно, если бы не явление Учителя. Я говорю «явление», потому что Он подлинно явился. Многие утверждают, что был Он нам ниспослан,— и я разделяю этот взгляд; иначе я не стоял бы теперь перед вами и не возвещал вам мудрость Его. Учитель, с Его гениальным складом ума, узрел неправильность нашей жизни, и открыл нам глаза. Но это еще не все. Он постигнул, как можно переменить нашу жизнь.— Лис помедлил и, склонив голову, торжественно произнес: — Учитель стал проповедовать в нашем графстве великие истины. Истины эти в том, что мы должны подчинить свою жизнь строгому порядку: лишь тогда мы сможем исполнять наше высшее предназначение; травли должны удостаиваться лишь те лисы, которые хорошо себя подготовили к ней. Не сразу у нас приняли Его учение; но потом все графство последовало Его заповедям...

Рыжий лис скромно покашлял и возобновил речь:

— Ваш покорный слуга и есть один из подготовленных граждан. Завтра я вернусь домой. Завтрашний день увенчает мою жизнь. Все свои семь лет я посвятил высокой цели, и вот наконец Совет Мудрейших после долгих прений избрал меня для очередной охоты. Я молю бога, чтоб оказаться достойным их доверия... Мне позволено рассказать вам немного о предстоящей травле. На нее отпущено около двух часов. Как вы сами понимаете, время растяжимо. Если случится дождь и охотникам будет трудно угнаться за мной по размытому полю, придется несколько сократить травлю. Если же в поле хороший гон, то я имею право на дополнительные четверть часа. Совет Мудрейших назначил мне дважды сбить с толку собак; однако не велено исчезать надолго, а то вовсе бросят погоню. Задача, как видите, тонкая; самые опытные из вас подтвердят...

Какой-то старый седой лис хрипло тявкнул и промолвил:

— Да уж, минут через семь отчаиваются самые лучшие гончие...

— Совершенно правильно,— сказал оратор.— Такую же цифру дали и наши собственные наблюдения. Собаковедению у нас уделяется особое внимание. Нас учат определять по некоторым признакам настроение собак, например, по выражению лица. Но особенно важно, как несет собака свой хвост. Если хвост стоит как флажок, можно еще поиграть в прятки. А вот если хвост опущен, прижат к задним конечностям, самое время показаться...

Оратор медленно оглядел круг: все слушали, затаив дыхание.

— Самый акт лисоубийства — дело также весьма тонкое. Последние несколько миль надо вести гон не слишком быстро, но и не слишком медленно. Пускай подоспеет как можно больше охотников, чтобы почти все приняли участие в убийстве. И пускай они испытают как можно большее упоение!

Дружное одобрительное тявканье раздалось при этих словах; и оратор победоносно заключил речь:

— Братья и сестры! Благодаря Учителю жизнь лис в нашем графстве исполнена высокого смысла, духовности и красоты. Учитель указал нам ясный путь и повелел нести всюду слово Его. В нашем обществе равномерно представлены лисы всех возрастов. Охота наша знаменита. Следуйте же нам!

Ученый Мышонок

Мышонок начитался ученых книг и возвестил в присутствии патриарха:

— Нас ждет золотой век! Какие кладовые нам открыты!

Патриарх стер лапкой старческую слезу и презрительно проскрипел:

— Эка невидаль. Кладовые нам уж тыщу лет открыты. Вот если бы ты придумал, как усатого злодея обмануть... Да не мышиного это ума дело...

— Незрелое, ненаучное суждение! — сказал мышонок.— Есть отличный способ обмана — гипноз.

— Чушь,— фыркнул старик.— Не верю. Ну-ка, загипнотизируй меня... или как это называется...

Мышонок проделал несколько пассов правой лапкой — старик принялся кусать обмылок, грезя, что перед ним пахучий сыр «Рокфор». Гипнотизер гордо выпятил грудь и засеменил по коридору под плинтусом; выйдя наружу, решительно направился к камину: тут, на ковре у огня, спал рыжий кот.

Кот почуял мышиный дух и проснулся. Завидев, как смело идет к нему малыш, он заморгал, не веря своим глазам:

— Что такое? Может, сон? Не впрок мне пошла последняя мышь, не впрок...

— А эта и подавно встанет поперек горла,— решительно молвил ученый мышонок.

Кот сел одним рывком.

— Извиняюсь, один вопрос,— проговорил он зловеще.— Мы, случайно, с вами не знакомы? Не приходилось мне теребить вас за ушко?

— Нет,— сказал мышонок сурово, двигаясь на кота.

— Что твор-р-рится! — изумился кот.— Ну, раз вам так хочется, я вами поужинаю...

Мышонок изо всех сил сосредоточился — сощуренные его глазки засверкали, как у злодея в мелодраме. Правой лапкой он произвел несколько пассов, приговаривая повелительно:

— Спать... Спать... Кот хочет спать...

— Ничего подобного...— кот вдруг зевнул.

— Перед тобой огромная злая собака,— сказал мышонок.

— Ой, и впря-ямь! Что твор-р-рится! Ой, укусит! — завопил кот, трясясь от страха. Шерсть у него на загривке стала дыбом; он подскочил до потолка, перекувырнулся в воздухе и плюхнулся (небывалое дело!) на спину. Опомнившись, шмыгнул в дверь и задал деру!..

Победа ученого мышонка была полная. Прочие мыши, обитавшие в доме, провозгласили его Спасителем мышиного народа; вскоре слава о нем разлетелась по соседним подворьям, и всюду мыши стали молить его о помощи.

— Я должен служить всем,— решил мышонок.— Всякий представитель моего народа имеет право на счастье.

И он служил своему народу неутомимо: сперва освободил от котов ближние улицы, потом пошел все дальше и дальше...

Котов отвозили в кошачью психушку, тут обсуждали они свое злоключение.

— Я вам клянусь, это был мышонок,— говорил наш знакомец, рыжий кот,— и вдруг — рраз! Английский дог! Зубы — как ножи у мясника!

— Вот-вот, и со мной так же было,— подхватил полосатый сородич.— Только не дог это, а немецкая овчарка!

— Да нет, ирландский волкодав,— жалобно сказал персидский кот.— Из-за него, злодея, я стал изгоем общества. Лишился всех прав!

— А я вам говорю: бультерьер! Ух и страху напустил — до сих пор дрожу,— заголосил кот пестрой подлой масти.

— Лучше не напоминайте,— чуть слышно промяукал черный кот.— У меня до сих пор перед глазами эта борзая.

Кот-альбинос, слушавший до этих пор молча, вступил в разговор:

— Обратите-ка внимание: у всех сходится первое впечатление: мышь! А потом... Я думаю, что дальше имеет место массовый психоз...

— Это кто псих?! Я?! — возмутился рыжий.

— Я нормальный кот, я как все,— поспешил вставить полосатый.

— Сами вы псих! — заорал на альбиноса перс.

— Ишь, книжек начитался! — поддал пестряк.— Он и читает-то... эту... как ее... психо-логию!

— Как вам будет угодно, психи и джентльмены,— промолвил альбинос невозмутимо.— Как вам будет угодно. Придется, видно, мне одному бороться против всех этих чудищ. Догов, овчарок, волкодавов, бультерьеров, борзых... Я уж молчу про своего белого волка — примерещится же в сумерках такое! Ну, я пошел. Прощайте, господа психокóты!

Однако на улице храбрости у альбиноса поубавилось: солнце било в глаза, слепя беднягу. То он тыкался носом в фонарный столб, то застревал между мусорных баков, спотыкался о камни, валился в канаву, а один раз его чуть не сбила карета «зверской помощи», мчавшая в психушку новых орущих котов.

— Ничего, посмотрим еще, кто слепой, а кто зрячий,— ворчал альбинос, упрямо шагая вперед...

Солнце уже начинало садиться, когда достиг он своего прежнего дома. Присел отдышаться у крыльца... вдруг, чу: пахнуло мышиным духом. То ученый мышонок собственной персоной возвращался домой, прибавив к мышиному царству еще одну кошачью вотчину.

— Постой-ка, приятель,— молвил кот, заступая ему дорогу.

«Как это я его пропустил?» — удивился про себя мышонок и привычно заговорил:

— Спать... Спать... Кот хочет спать...

— Да, соснуть бы не мешало,— сказал альбинос.— Здорово я умаялся... Но как же разозлили меня эти невежды — до сих пор не успокоюсь! Не хотят понять: покуда мы, коты, не станем учиться да книжки уважать — наше общество будет стоять на месте!

— Перед тобой большая злая собака! — говорил между тем мышонок.

— Что за глупости...— досадливо отмахнулся кот-альбинос.— О чем бишь я?.. А-а, так вот. По-моему, весь общественный прогресс определяют немногие избранные умы...

— Большая собака! Злая! — повторял мышонок, делая обеими лапками отчаянные пассы; наконец, приступив к коту почти вплотную, он крикнул страшным голосом: — Сейчас укусит!

— Эврика!!! — завопил вдруг кот.— Понял! Черт возьми! Мышь-гипнотизер! — Он вытянул лапу и зацапал мышонка.— Как жаль, что я не вижу тебя, дружок! Мы оба с тобой избранные умы...

— Не видит! — в отчаянье вскричал мышонок.— Я погиб!

— Да, дружок, попался ты крепко,— сказал альбинос.— Пока солнышко не сядет, я ничего не вижу. А знаешь,— продолжал он с какой-то нежностью,— ты мне нравишься. Мы были бы друзья... но Природа велела иначе... Подумать только, как ловко ты провел наших болванов,— альбинос залился смехом.— А рыжий-то, еще задается!.. А перс! Тот вообще кретин... Знаешь, не стану я тебя пока убивать,— он ласково куснул мышонка за ухо.— Ты пугай их, пугай... Когда я тебе прикажу...

— Как вам будет угодно,— отвечал малыш. «Жизнь висит на волоске, но, может, удастся выиграть время? Еще одно последнее усилие во имя моего народа!»

В девять вечера в психдом доставили пациента с сильнейшим помешательством. Это был альбинос.

— Такая собака! Такая собака! — вопил он, дико ворочая глазами.— Три головы! Одна как у волка! Другая как у дога! А третья — ирландский волкодав! У каждой головы по три пасти! Зубы — в три ряда! А еще...

— Что твор-р-рится! — подивился рыжий.

— Вот ведь до чего психо-логия довела,— сочувственно сказал пестряк.

Перевел с английского Д. ПСУРЦЕВ

Рис. Ю. МИХАЙЛОВА

ИСТОРИЯ
ПОПУЛЯРНОЙ МУЗЫКИ
В ФОТОГРАФИЯХ
MICHAEL
JACKSON
РОВЕСНИК

ФРЭНК ЗАППА: ЗАГОВОР ПРОТИВ ГРАЖДАН

Бэтиа ФРИДМАН и Стив ЛАЙОНС, американские журналисты

Фрэнк Заппа — музыкант. Рок-музыкант. А может быть и нет. Его творчество невозможно втиснуть в рамки конкретного музыкального стиля.

Он родился 21 декабря 1940 года в Балтиморе, США. В три года впервые взял в руки гитару и не расстается с ней по сей день. В восемнадцать лет написал рок-н-ролл, и эта сорокапятка громыхнула на всю Калифорнию: казалось бы, вперед, путь открыт! А он через два года выпустил симфонию «Самый великий грешник». Композитор Леонард Бернстайн сказал: «Этот парень далеко пойдет». А представители фирмы грамзаписи «Коламбия рекордз» пожимали плечами: «Без надежды на коммерческий успех». И он пошел очень далеко и в сторону, противоположную коммерческому успеху.

Когда говорят «Фрэнк Заппа — отец рока», говорят правду: он не только создал рок-композиции, вошедшие в историю этой музыки, но и разработал ее теоретические основы. Он первым — не одним из первых, как говорят, когда надо что-то сказать, а первым — соединил рок и джаз. Получился джаз-рок. Помните, «Чикаго», «Капитан Бифхарт», «Ззебра», «Грэнд фанк рэйлроуд»?.. Эти и многие другие группы играли его музыку, он стоял у истоков одних групп, у других — был продюсером.

Еще он пишет книги: о музыке, о политике, о жизни. И дружит с Куртом Воннегутом: оба терпеть не могут лицемеров, хвастунов, демагогов.

В 1966 году Заппа со своей группой «Mothers of invention» («Матери изобретения») выпустил первую долгоиграющую пластинку «Уродец»: вместо любовных песенок, которыми в то время открывали дверь с табличкой «слава», группа Фрэн-

— Вы как-то сказали: «Искусство в Америке умирает». Что вы имели в виду?

— Я имел в виду настоящее искусство — оно Америке совершенно невыгодно. У него нет точек соприкосновения с экономикой. Ведь решение о создании, продюсировании и распределении среди потребителей того или иного «произведения искусства» определяется прежде всего экономическими соображениями. Не посоветовавшись с финансовым агентом, ни один современный художник и пальцем не пошевелит. Конечно же, всегда находятся люди, пытающиеся прорвать этот порочный круг, но их слишком мало: те, чокнутые, которые готовы тратить деньги на «нерентабельное» искусство, скорее исключение, нежели правило.

Восьмидесятые годы — годы правления республиканцев, и политика их администрации уже нанесла удар по демократии. Думаю, положение будет ухудшаться и дальше. Не верите? Конечно, мой прогноз сильно отличается от точки зрения правых.

— Можно ли что-нибудь сделать если не для изменения, то по крайней мере для смягчения этой тенденции?

— Возможно. Хотя лично я склонен видеть во всей политике республиканцев не что иное как заговор против граждан. Американцы ощущают на себе вполне определенное социальное давление: либо превращайся в тот тип личности, который выгоден власти, либо будешь раздавлен. Несоответствие стереотипу карается безжалостно.

Возьмите, например, поп-музыку. Взгляните на стереотипы, которые средства массовой информации подают как величайшие достижения жанра и образцы для подражания. И вы увидите парней, ворочающих миллионами, делающих миллионы, продающих пластинки миллионами. И поскольку они возятся в миллионах, на этих делягах ставят штамп «годен», о качестве их работы судят уже не по самой работе, а по количеству миллионов, которые она принесла. Публика слушает их бредни и невольно думает: «О, господи, и я же могу так, ничуть не хуже!»

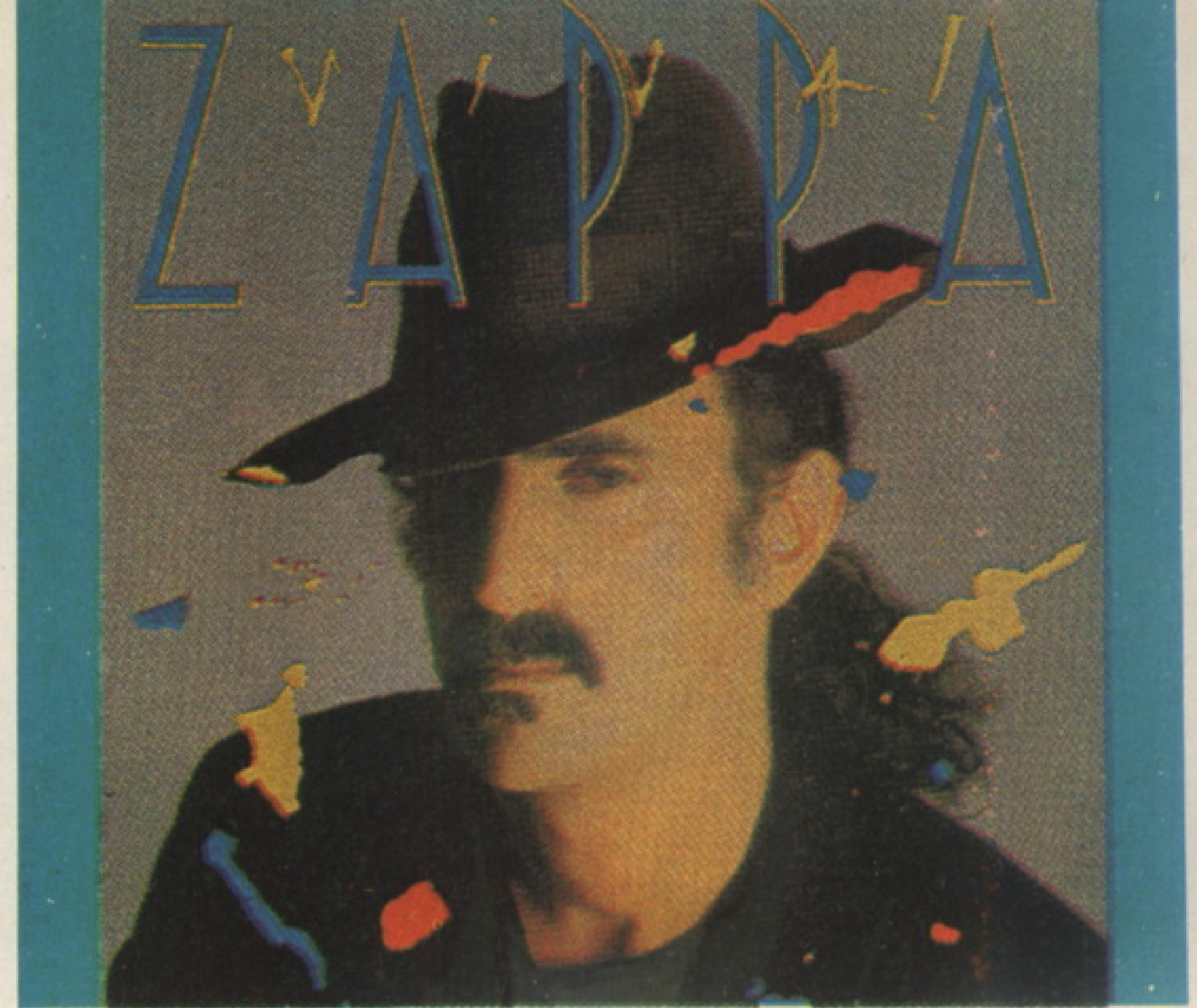
Вы стремились к посредственности, вы ее поощряли — вот вы и получили посредственность. Люди, которые могли бы достичь большего, не вступают в игру, поскольку знают, что от них ждут «этого», а какой нормальный, порядочный человек согласится на «это»?!

Настоящее, подлинное в искусстве вселяет страх в большинство американцев, которые всей своей жизнью (с помощью средств массовой информации, конечно) подготовлены к потреблению и покорному одобрению посредственности. Они просто обязаны восхищаться успехами посредственности. Людям неприятно сознавать, что где-то рядом есть личности, способные на то, до чего им никогда не допрыгнуть. Эти личности делают то, чего ты не умеешь, думают не так, как ты, танцуют так, как ты никогда не сможешь. Они превосходные. Настоящие. Следовательно, ты — не превосходный и не настоящий. Большинство американцев не настоящие, они просто «о'кэй» и у них все о'кэй. И для того чтобы сохранить их в девственном счастье, им говорят: «Поглядите-ка на этого вполне посредственного парня, давайте назовем его душкой, а все, что он делает, восхитительным!» И все другие парни скажут: «Да, это правильно, потому что обнадеживает, потому что когда-нибудь и я смогу сравняться с ним в славе и долларах». Это великолепный тактический ход для большинства развлекательных предприятий, эдак можно делать любую по-

MICHAEL JACKSON

«Это только публике кажется, что он живет, как в сказке. Ведь никто не видит, как он работает. Во время выступления он по нескольку раз должен вдыхать чистый кислород, аппарат всегда наготове, иначе не выдержит сердце. За концерт он теряет по три килограмма, поэтому должен придерживаться строгой диеты — он не ест, он питает силы. Отварные овощи, рис, ни грамма соли, сахара. Ни кофе, ни чая, только минеральная вода. После каждого концерта до глубокой ночи просмотр видеозаписи, если ему что-то не нравится — репетиции сразу, пока не забыл»,— так говорит о «сказочном принце» сегодняшнего американского шоу-бизнеса Майкле Джексоне его старший брат, Джермен. В шоу-бизнесе стареют быстро, Майкл Джексон на сцене вот уже двадцать лет. Впервые он вышел на эстраду, когда ему было девять,— один из пяти братьев Джексон, сыновей влюбленного в музыку крановщика. Отец стал менеджером группы «Джексон файв», которая могла бы и остаться очередной «вундеркиндской» группой, если бы... Не только удачное стечение обстоятельств, не только внимание и поддержка фирмы грамзаписи «Мотаун» и знаменитой негритянской певицы Дайаны Росс. Главное — бешеный труд, работа.

В 1976 году группа сменила название на просто «Джексоны» — подрос и присоединился к старшим самый младший брат, Рэнди. Сестры Морин, Ла Тойа и Джанет также не посрамили фамилии — их сольная карьера складывается довольно удачно. Но самый большой успех выпал на долю Майкла. Как солист он выступает с начала восьмидесятых (хотя еще в 1972 году, четырнадцатилетним мальчиком, записал первую сольную пластинку). Майкл Джексон выпустил шесть дисков (не считая пластинок группы «Джексон»); пластинка 1982 года «Триллер» (в записи ее Майклу помогали Пол Маккартни, Эдди Ван Хален и другие известные музыканты) стала в США «платиновой». Последняя работа — песни из фильма «Капитан Эо». Фильм поставил известный режиссер Ф. Коппола, в главной роли — Майкл Джексон.

ка исполняла странные композиции со странными названиями — «Уаyи-зауи», «Надзор за деятельностью мозга» или «Возвращение родственника чудовищного магнита»: он издевался над стереотипами, которыми полна была рок-музыка.

Спустя год Заппа и «Матери» записали альбом «Мы делаем это лишь ради денег», в котором высмеивалась массовая истерия вокруг пластинки «Битлз» «Клуб одиноких сердец сержанта Пеппера». «Битлз» смеялись вместе с ним. Назвать в те годы движение хиппи «лицемерием комплексующих буржуа» — для этого требовалась не только грамотная социальная позиция, но и некоторое мужество. А когда в 1968 году Заппу пригласили выступить перед «сливками» пластиночной индустрии, что входило в ритуал награждения его премией «Грэмми», музыкант приветствовал их следующими словами: «По-видимому, это шоу будет самым неприятным в уходящем году — вам придется выдержать нелепую музыку в исполнении человека, которого вы сами и создали для американской публики». После этого «Матери» сыграли импровизацию на тему «Атласная кукла» Дюка Эллингтона под фонограмму... разгневанного свинарника.

Работоспособность Заппы уникальна, он записал более сорока пластинок, создал несколько сот песен. У него есть тридцать две композиции для хора и оркестра, музыка для четырех балетов, двух полнометражных художественных фильмов и нескольких телесериалов. Его считали своим другом и соратником Джон Леннон и Джордж Харрисон; его называют учителем Эйнсли Данбэр из «Уайтснейк», Дэвид Ли Рот...

Ниже мы публикуем интервью Фрэнка Заппы американскому журналу «Прогрессив».

литику и управлять любой религией. Ну и как в таких условиях надеяться на поворот к лучшему? Разве лишь рассчитывать на генную инженерию!

— К каким проблемам обращена поп-музыка 80-х годов?

— Да к каким угодно! Но, как правило, она обращается к темам, которые хорошо продаются. Если музыкант хочет иметь хит, он не трогает сложные, противоречивые проблемы. Поэтому поп-музыка затрагивает и будет затрагивать лишь те темы, которые имеют значение для покупателя пластинок: мальчики и девочки, мальчики и машины, девочки и машины, мальчикам и девочкам хочется кушать, но не очень, поэтому они поют, иначе они бы, как все голодные, искали работу... Примерно так, но все очень безопасно. Иногда, правда, некоторые изрекают что-то вроде: «Война — какой ужас!» или «Берегите китов!» — по сути, очень серьезное, но в устах посредственности, делающей деньги на самых важных для человечества темах, это звучит омерзительно. И если вы говорите о поп-музыке как о средстве выражения общественных взглядов, то она великолепно справляется с этой задачей, устраняя любые контакты с проблемами, которые действительно волнуют общество. А в обществе потребления и не может быть иначе. Когда общество захочет получать информацию из песен — я говорю о серьезных размышлениях над сложными вопросами, тогда общество начнет покупать такие песни. Однако пока оно этого не делает. Публика, приобретающая пластинки, больше всего озабочена собственным благополучием, здоровьем себя любимого, возможностью беспредельного потребления, вечной молодостью за любую цену, больше ее ничего не волнует.

— Каким образом никому не известные группы становятся популярными? Как они проникают на фирмы грамзаписи?

— Сегодня фирмы грамзаписи даже не прослушивают заявочные записи. Вполне достаточно фотографии. Работники фирм оценивают прически, фигуры, определяют, насколько мужественно или женственно выглядят исполнители. И если внешний вид соответствует критериям фирмы, какое имеет значение, что на пленке? В конце концов музыканты — сотрудники фирмы — сделают все, что надо, доведут запись до необходимого качества. Кроме того, никто не предполагает, что группа продержится, скажем, двадцать лет. Единственное, что имеет значение,— скорость поступления прибылей, окупаемость, поскольку все прекрасно понимают, что через неделю-две появится новый эталон мужественности, женственности и еще черт знает чего. Эксперты этих фирм хорошо знают, что сейчас музыку никто не слушает: под нее танцуют, гоняют на машинах, занимаются домашними делами и всем остальным. Решающими являются только затраты на «запуск» группы и быстрота окупаемости. И знаете, почему именно так? Потому что у нас в Америке о качестве судят по товарному виду. Следовательно, прическа важнее музыки.

— Как песни проникают в систему радиовещания? Что является определяющим: запросы слушателей или позиция фирм грамзаписи и, соответственно, радиостанций?

— И то и другое. Сейчас каждая станция создает для слушателей определенную атмосферу, которая рассчитана на удобное пребывание в ней тех, на кого эта станция работает. Избирательность. Вы бизнесмен? Отлично, для вас есть специальная передача специальной музыки, которая оттенит ваши амбиции, вы получите дополнительный заряд самоуверенности, и его незамедлительно почувствуют ваши коллеги (начальник, подчиненные, противники). Это то же самое, как если бы вы водрузили на свой столик в кафе муляж увесистого кулака — и все понимают: с этим парнем лучше не шутить. То есть музыка выступает уже как рекламное объявление о тебе, слушающем именно эту музыку. И если мы имеем целую нацию, которая отказывается знать о себе правду, которая ничего не хочет знать об окружающем мире, вообще ни о чем и ни о ком, то такой нации просто необходимо как-то подкармливать те фантазии, в которых она живет. А консультанты радиостанций прекрасно знают эти фантазии.

— А как пластинка становится хитом?

— Ну, это очень просто. Это называется «пейола»: вы даете нужному человеку взятку, и он гонит вашу пластинку в эфир. Вы тут же имеете кучу хитов. Такие вещи прекрасны для тех, кто хочет слышать в них хиты, для большинства они прекрасны уже потому, что звучат по «их» станции. Но возникает вопрос: что такое хит? В стародавние времена, если ваша музыка не нравилась королю или церкви, это означало, что вы лишаетесь хитов. А иногда и головы. Сегодня проще: хочешь хит — плати. Только никто не знает, кто в роли нового короля или церкви.

— Что для вас, как для композитора, является решающим: эмоциональное, интеллектуальное, духовное воздействие вашей музыки на слушателя или собственно музыкальная структура — мелодия, гармония и ритм?

— Ничто из перечисленного вами. Пожалуй, меня волнует, как моя музыка будет работать, будет ли работать вообще? И если она работает, то меня уже не волнует, каким образом. Слушатель либо откликается на музыку, либо нет. Если я вижу, что музыка не срабатывает, то я начинаю думать: а почему? Можно сравнить написание музыки с кулинарией: соли хватает или нет? Или пофантазировать на примерах жилищного строительства: что случится, если забыли внести в план туалет или, скажем, окна?

— Но это пример прагматичного подхода к творчеству, искусству ближе эстетическое восприятие действительности...

— А эстеты уже научились обходиться без туалетов? Может быть, отчасти вы и правы, я не могу объяснить словами, как я пишу музыку. Я ее просто пишу. Берешь чистый лист бумаги и начинаешь фантазировать, например, рисовать: не обязательно это будет дом, дерево или корова. Иногда получаются просто каракули, но порой эти каракули срабатывают, и вы получаете удовольствие от разглядывания их. А другой человек скажет: «Это не дом, не дерево и не корова. Мне это не нравится, это каракули». Все зависит от точки зрения.

Если же вам нравится находиться среди тех, кто восторгается или негодует в зависимости от вкуса какого-то одного человека, ради бога, ваше право. Меня это не привлекает.

— Как бы вы отнеслись к идее, которая в последнее время становится все более популярной: расположить на абстрактной шкале относительных ценностей различные виды человеческой деятельности, в том числе спорт и искусство? Например, как соотносятся хоккей или бейсбол и творчество композитора?

— Я бы отнесся к такой идее резко отрицательно.

— Но почему? Шкала-то абстрактная.

— Что прошло через все цивилизации и культуры и дошло из древности до наших дней? Все-таки не игра в мяч позволяет нам судить о культуре средних веков, а музыка тех лет, да и вообще все так или иначе связанное с искусством. Взгляните в будущее: что станет приметой американского общества, которое шагнет из века нынешнего в век грядущий?! Бег трусцой?

— Анализируя ваше творчество, мы пришли к выводу, что вас необычайно привлекает, если можно так сказать, скрытая эмоциональная энергия музыки, и тем не менее в вашем репертуаре практически отсутствуют, казалось бы, естественные для вашего творчества песни о любви.

— Простите за боксерское сравнение, но нанести эмоциональный удар или докричаться до чьих-то чувств, используя для этого одну лишь музыку, без слов, имеющих определенную смысловую связь,— дело весьма непростое. Поэтому я с большим уважением отношусь к инструментальной музыке. Достичь такого композиторского и исполнительского уровня, когда ты способен проецировать на слушателя свои эмоции, не обращаясь к вспомогательному средству — словам, разве не достойная задача?!

Конечно, можно написать песенку о том, как тебя бросила девушка,— песенка будет до крайности глупой, тем не менее кого-то она растрогает. Но вот в чем штука: авторы таких песен и исполнители, как правило, не верят в то, что они поют. Они могут скакать по сцене на метле, колотиться в судорогах, но их собственной веры в содержание от этого не прибавляется. Зато они отлично знают, что если песня про любовь — это триста процентов гарантии, что ее запустят в эфир. Если вы пишете песню про сельдерей, такой гарантии нет. Опять вопрос купли и продажи. И на такой основе создается система ценностей. Мое представление об эмоциональной насыщенности музыки, уверен, значительно отличается от вашего, и, осмелюсь заметить, мое более правильно, поскольку я пишу музыку и знаю, как это делается и с помощью какой техники. Если мне потребуется заставить вас рыдать, я легко напишу такую музыку, но это — дешевка.

— Может, в данном случае уместнее говорить о сентиментальности?

— Это будет не просто сентиментальная музыка. Существует определенный музыкальный климат, и я знаю достаточно способов его создания. Есть определенные ноты, которые в пределах этого климата выжмут из вас слезу. Например, вы выбрали тональность ля минор и загрузили ее множеством си-бемольных аккордов — у слушателя неизбежно появится чувство тяжести на сердце. Но если проиграть эту музыку, скажем, на аккордеоне,— эффект будет отличным от того, какой возникнет при исполнении ее на шести волынках, даже в той же самой тональности и в том же ритме. Здесь вступает в силу тембр, и вы получите настоящее воплощение скорби. Однако если то же самое будет исполнять школьная группа, ничего подобного не произойдет, конечно, в воздухе будет витать некоторая грусть, но опечалить слушателей не удастся. Здесь уже вопрос техники и класса исполнителей.

В различных культурах существуют различные нормы, так сказать, реакции на определенные сочетания звуков. Именно поэтому, например, китайская музыка, исполняемая на национальных инструментах, кажется нам пронзительной и странноватой, а житель Востока в этот момент испытывает желание пуститься в пляс. Зато наш критик слышит в этой музыке спокойствие и благодать.

— Когда-то вы писали очень симпатичные рок-н-роллы, нет желания вернуться к ним?

— Откровенно говоря, нет. Я сейчас увлекся синклавиром [1], меня восхищают возможности этого инструмента, он позволяет четко фиксировать даже мимолетные музыкальные идеи, и, сами понимаете, такой инструмент надо использовать по назначению: для создания новых музыкальных форм. Поэтому меня пока не интересует никакая иная музыка, даже мыслей таких не возникает.

— Вы работаете очень плодотворно: две-три пластинки в год. Вы пользуетесь какой-то особой методикой?

— Я просто работаю. Вот и весь секрет. У нас в Америке большинство людей испытывают страх перед работой в полную силу, по-моему, боятся, что кто-то назовет их «уоркоголиками» («work» — работа, то есть «работоголик», человек, одержимый работой.— *Прим. пер.*). Если человек щеголяет в модном спортивном костюме, небрежно шелестит по асфальту марсианскими кроссовками, то он всем дает понять: я не работаю. Это очень непрестижно, работать.

— Что вы считаете своим величайшим достижением в жизни и что, если об этом можно говорить, поражением?

— Я бы сказал, что вся моя жизнь сплошное недоразумение. У меня пока нет возможности воплотить все то, что, на мой взгляд, достойно воплощения. Или, если сформулировать иначе, я не могу достичь того, чего хочу. Если у вас есть идея и вы желаете реализовать ее каким-то определенным способом, но для этого нет возможности, что это? По-моему, поражение, как вы сказали. Я сталкиваюсь с ним каждый день, потому что не могу сделать то, что хочу. Я могу делать что-то другое. Я могу делать все, что угодно, но в пределах бюджета. К сожалению, мои идеи слишком дорогостоящие, поэтому, с точки зрения реалиста, я имею то, что можно было бы назвать синдромом неудачника. Но, к счастью, я не питаю на сей счет иллюзий, прекрасно понимаю свои возможности и снимаю шляпу перед объективными трудностями. Поэтому я весьма доволен своими упражнениями на синклавире: я работаю по 12 часов в сутки и очень люблю свою работу. Я знаю, что для большинства моя музыка так и останется «каракулями», но объяснять им я ничего не стану, бесполезно. Я чувствую себя превосходно, и от того, что мои чувства разделяют лишь несколько любителей такого рода творчества, а не вопящие стадионы, настроение не ухудшается.

— А вы не боитесь, что такое полное безразличие к реакции на свой труд может привести к одиночеству?

— А вы представьте себе, что может быть антонимом одиночества? Это значит, что вы обожаемы всем миром? Кошмар! А теперь представьте себе эту самоизоляцию. Представили? Вот и наслаждайтесь ею! Живите в ней! Радуйтесь, что вам не приходится иметь дело с людьми, которые словно созданы для того, чтобы красть ваше драгоценное время! Потому что бок о бок с любовью и восхищением, которые размыкают кольцо изоляции, движется невыносимая эмоциональная нагрузка: от вас ждут участия в делах обожающей вас публики. И если кто-то может подходить к этому формально, то я так не могу — лучше по-настоящему помочь одному человеку, чем делать вид, что через секунду облагодетельствуешь все человечество.

Сокращенный перевод с английского
С. КАСТАЛЬСКОГО

[1] *Синтезатор, объединенный с компьютером.*

ПРЕЖДЕВРЕМЕННАЯ БИОГРАФИЯ

Тьери ШАТЭН,
французский музыкальный критик

Хард-рок и хэви метал-рок примечательны уже, как минимум, тем, что никого не оставляют равнодушным. Словом, выбирай, с кем ты в друзьях: с теми, кто считает эту музыку и все, что около нее делается, чем-то одиозным, или же с теми, кто видит в ней безобидную музыкальную новинку, а может быть, и подлинное откровение для подростков-меломанов.

Но что в действительности представляет собой хэви метал-рок середины 80-х? Вопрос, который сто́ит задать себе беспристрастно хотя бы однажды.

Первое, что бросается в глаза, это, конечно же, резкое увеличение числа групп, играющих хэви метал в неанглоговорящих странах. Хэви метал — это прежде всего ФРГ, Испания, Япония, Дания, Нидерланды, Швеция, Швейцария, Франция. Хотя, конечно, на карте этого стиля Великобритания и США тоже присутствуют.

Другой сюрприз 80-х годов — появление множества малых, так называемых независимых фирм грамзаписи: явный признак того, что эта музыка действительно отвечает некоему спросу, а не навязана извне, как наивно полагают эстетствующие критики, транснациональными дисковыми конгломератами в качестве традиционного инструмента оглупления молодежи. Отсюда один шаг до вывода, что гиганты пластиночной индустрии по неизвестным соображениям этой музыкой пренебрегают, но такой вывод делать не стоит: «гиганты» не пренебрегают ничем, что можно продать, и, кстати сказать, не стесняясь, грабят «независимых», которые берут на себя риск «обкатки» пластинок — явление в роке повсеместное. Да и сами «независимые» никак не однородный элемент музыкального рынка: история одних фирм кончается после выпуска первой же пластинки, иные же студии продолжают существовать, но называют себя «независимыми» скорее по старой памяти. И если все происходящее, с одной стороны, повод для разговоров о крепком здравии жанра, с другой — оно должно настораживать, как симптом обезличивания музыки: сильная конкуренция не дает группам достаточно времени для того, чтобы найти свое творческое лицо.

Хэви метал-рок упрекают главным образом в том, что вся его музыка суть одна и та же песня, исполняемая одной и той же группой, но под разными названиями. Клевета это или правда? И то, и другое. Верно, что при однообразии внешних атрибутов и музыкальных тем, заигранных до того состояния, когда они уже давно превратились в штампы (к этому я еще вернусь), все «тяжелые» группы обладают очевидным «семейным» сходством, чего они и сами не отрицают. Тем не менее утверждать, будто они все играют одно и то же, было бы преднамеренным преувеличением. Прежде следовало бы уточнить, в чем различие между хард-роком и хэви металом, и сделать это по возможности убедительно.

Чем мы располагаем? Те группы, у которых в названиях песен присутствует «металлический налет», как, например, «Солдаты металла» (группа «Энтрэкс»), «Металлические дни» («Ванжанс»), считается, играют в стиле хэви метал; те же, что упоминают слово «рок» — «Я живу ради рок-н-ролла» («Родс»), «Рок-ю» («Хэликс») или «Рок до предела» («Токио блейд») — в принципе попадают в разряд «хард». Понятно?

Признаться, нет. Хард-рок и хэви метал-рок — разные музыкальные направления, и корни у них разные. В общих чертах хард-рок — сын электронного ро́кового звучания и правнук блюзов. Хэви метал — решительно иная природа звука, облачившегося в рок, но таковым никогда не являвшегося. В своеобразных скрежещущих гармониях хэви метал-рока при внимательном прослушивании обнаруживается тяготение к классической музыке. Единственная точка соприкосновения хард-рока и хэви метала — насыщенность звука и почти обязательное использование обертонов на всем гитарном грифе. К тому же в хэви метал-роке (как и в хард-роке) определились несколько отчетливых тенденций.

Лично меня особенно интересует та, которую можно было бы назвать «спид метал», самая максималистская по части скорости и громкости. Разгневанные энтузиасты на ваших глазах доводят логику хэви метала, логику абсолютного преувеличения всего, до последней крайности, беря за точку отсчета «сверхзвуковую» композицию «Многократное уничтожение» группы «Моторхед». Конечно, своеобразие музыкального решения, суть которого — играть на пределе возможностей человеческого организма, ценится не настолько высоко, чтобы позволить «спид метал» выйти за пределы «независимых» фирм, однако практикуется он широко. В Соединенных Штатах — группой «Металлика», которая вместе с английской «Веном» считается лидером этого направления, в Канаде — группой «Иксайтер», во Франции — «Вюлькэн».

Ступенькой ниже осмелюсь разместить нью-йоркский квинтет «Энтрэкс», временами не лишенный изящества (например, арпеджио а-ля «Генезис» двенадцатилетней давности, что свидетельствует о наличии у музыкантов композиторских амбиций). В полной же мере эти амбиции раскрываются в следующей подгруппе, которую я назвал бы овцой, переодетой в волчью шкуру. Объясню: «металл», с которым мы имеем здесь дело, слишком лощеный, чтобы быть честным. В большей или меньшей степени он содран с «Дип перпл» (и его вульгаризаторов), в то же время он чрезвычайно высокопарен, выспрен, чрезмерно «отделан». По такому пути следуют «Куинсрейч», «Сортилеж», «Дер Кайзер» (французы с гусарской внешностью), «Лауднесс» и «Мейн экс», но также и хитрецы, маскирующиеся в своем сценическом образе элементами демонизма («Мерсифул фейт») или примитивизма.

Есть еще и американские «оригиналы», создающие себе имидж с помощью косметических наборов своих мам,— «Мотли крю» и «Твистед систер». Но, что интересно, обе группы, не считаясь с мнением поклонников, причисляют себя к традиционному ро-

ку и с уважением исполняют «Суматоху» «Битлз» и «Это всего лишь рок-н-ролл...» «Роллинг стоунз».

Другое многочисленное направление американского «металла» образуют «чистенькие» группы, музыканты которых не украшают себя «заклепками», а их неистовые кудри — плод усилий хороших парикмахеров. Нередко в их композициях можно услышать клавишные инструменты, а вокалист делает свое дело на фоне отшлифованных спевок: это «Бон Джови» и их подражатели.

Наконец, следует упомянуть и хард-роковое болото, лишенное каких бы то ни было специфических черт, если не считать ярко выраженной ностальгии по временам начала рок-н-ролла. Здесь пребывают «Аксепт» и «Балет», швейцарский «Крокус», а также старики непоседы, такие, как Эдди Кларк, Гэри Мур (ветеран «Тин Лиззи») и Уэнди О. Уильямс.

Считая себя отражением враждебного человеку мира, хэви метал-рок ищет вдохновение в самом себе, воспевая свою же собственную силу. Такая реакция самоутверждения перед лицом многочисленных врагов (или же кажущихся врагами) благоприятствует появлению корпоративности среди поклонников «металла», иногда доходящей до крайностей. Сетования «металлистов» на неуважительное отношение к их музыке, на невнимание к ней со стороны радио и телевидения, все это — часть игры в непризнанных, когда из ничего мастерски сотворяется некий запретный плод. Отсюда и великое множество фан-клубов с более или менее боевыми названиями, ничуть не противоречащими, впрочем, постоянным призывам хэви метала идти войной против ветряных мельниц.

Все это порой провоцирует обвинения хэви метала с его поклонением силе в воинственности и прочих грехах. Возможно, так бы оно и было, если бы и фанаты, и музыканты воспринимали «металл» безо всякой иронии, как истину в последней инстанции. К счастью, подобных буквалистов, по-моему, очень немного.

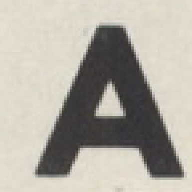
Заглянем теперь в «металлический» ад с его вереницей демонов и целым пантеоном языческих божеств. Ароматы преисподней чувствуются в названиях песен: «Солдаты дьявола» (группа «Лауднесс»), «Пределы ада» («Родс»), «Наследники Люцифера» («Вюлькэн»). Однако сказать, что все эти группы — поклонники сатаны, значит пустить шутку в духе правых сторонников моральной чистоты в США и их коллег из французской буржуазной «Фигаро». Ибо редки и, признаться, глупо выглядят те, кто, вроде «Веном» или «Мерсифул фейт», отдает дань черной магии. Для всей остальной братии ад — не более чем удобная метафора. Метафора чего? Жизни подростков, самым банальным образом подчиненной авторитету мелкобуржуазной психологии родителей (к которым дети традиционно относятся как к людям, неспособным понять младшее поколение), жизни, обреченной отнюдь не на радужное будущее. Отсюда попытка слушателей отождествить себя с отрицательным образом, превратиться в некий жупел, который, как предполагают «металлисты», взрослый мир сотворил в своих головах, чтобы облегчить «воспитание» молодого поколения: «Вот таким ты будешь, если...» Таким образом, всевозможные «дьяволы», по сути,— это сборные модели из детских «конструкторов», имеющие то бесценное преимущество, что они не нравятся взрослым. Но достоинство «металлических» песен про «плохих мальчиков» в том, что от них веет искренностью. «Плохие мальчики» хотят (буквально) разорвать сковывающие их цепи и стать хоть кем-то. Но борьба, которую «металлический» герой ведет с миром, это борьба одиночки, бунтаря, а никак не революционера. Речь идет не о том, чтобы переиначить общество, все гораздо проще — добыть себе место под солнцем. Силой, если понадобится.

Сила в толковании хэви метал-рока— нечто скорее фантастическое, чем реальное. Это вновь игра, такая же, как баловство на темы ада и смерти, вполне укладывающееся в философию «прожить быстро, умереть молодым». Так что, хэви метал действительно мрачен? Ничуть. Игра! Ибо когда речь заходит о насилии и смерти во вселенском масштабе, о ядерной войне, которую заманчиво было бы изобразить, как последнее шоу в стиле хэви метал-рока, слышатся иные песни. «Иксайтер» открыто заявляет: «Война — это ад», и даже «Металлика», первый альбом которой назывался «Убейте их всех», не собирается играть в бравых солдатиков по-настоящему («Борись с огнем огнем»).

Итак, хэви метал-рок претендует на то, чтобы его называли зеркалом, но зеркалом волшебным, не просто отражающим, а собирающим в единый луч энергию своих поклонников. Вместе с тем, строго следуя жестким правилам, он рискует похоронить самого себя как музыкальное течение и превратиться в некий слишком закодированный ритуал. Уже сегодня появляется ощущение, что большинство групп ограничивается тем, что спокойно, как владельцы ярмарочных «лавок чудес», расставляют на сцене своих монстров, в которых сами не верят. И пережевывание до полного пресыщения одних и тех же тем рискует завести в тупик.

Это внушает мне надежду, что некая «металлическая» группа найдет в себе смелость вырваться за рамки удобного конформизма. Слушать знакомые звуки приятно, но утомительно. Так что даже самый «железный» из всех поклонников «металла» завтра захочет услышать что-то иное.

Перевел с французского
С. КОЗИЦКИЙ

«ANGEL» («Энджел» — «Ангел»). Группа образовалась в 1975 году в Вашингтоне. Создатели ее хотели противопоставить свой сценический образ «героям зла», которых олицетворяли «Кисс». «Энджел» подавали себя в облике «смиренных ангелов добра», но дальше грима и костюмов дело не пошло: музыка их была откровенно вторичной. Да к тому же лидер «Кисс» Джин Симмонс обратил внимание на попытки «Энджел» и нейтрализовал возможных конкурентов, пригласив их в вотчину «Кисс», фирму грамзаписи «Касабланка». Там в 1975 году и вышла первая пластинка группы «Ангел».

Музыканты «Энджел» уже имели солидный опыт: Мики Джонс, бас; Бэрри Брандт, ударные, и Фрэнк ди Мино, вокал, выступали ранее в группе «Мэкс»; Панки Мэдоуз, гитара, и Грег Джуффрия, клавишные,— в группе «Черри пипл».

«Энджел» много гастролировали в качестве «подогревателей» публики перед концертами «Кисс», но поклонники «Кисс» «ангелов добра» не приняли, несмотря на те же самые лазеры, пиротехнические эффекты и прочие чудеса.

В 1976 году «Энджел» записали пластинку «Отличная группа!», но даже такая откровенная самореклама не возымела эффекта. В 1977 году из группы уходит Джонс, и на его место музыканты приглашают Феликса Робинсона. Вышедшая в том же году пластинка «На земле так же, как в раю» оказалась чуть лучше предыдущей, а следующий альбом «Раскаленный добела» (тоже 1977 года) почти приблизил их к заветной цели — это первая и единственная «золотая» пластинка группы.

В 1979 году «Энджел» записали альбом «Грешный», оставшийся незамеченным даже любителями помпезного рока, снялись в рекламном фильме фирмы «Касабланка» и спустя год распались.

«ANGEL CITY» («Энджел сити» — «Город ангелов»). Группу организовали в 1975 году в Аделаиде, Австралия, братья Брюстер — Джон, гитара, вокал, и Рик, гитара. К ним присоединился вокалист Док Нисон. Вначале трио называлось «Муншайн джаг энд стринг бэнд» и исполняло народную музыку и рок-н-роллы 50-х годов. Спустя год музыканты ввели электронные инструменты, пригласили барабанщика Грэма Бидструпа, сменили название на «Кейстоун энджелс» и перебрались в Сидней.

В 1977 году в группу пришел бас-гитарист Крис Бейли, который открыл музыкантам глаза на возможности хард-рока. Стиль заинтересовал их, и первая пластинка, в которую входили фолк-зон-

ги, рок-н-роллы Чака Берри и хард-роковые композиции, причем последние были сделаны вполне мастерски, привлекла внимание местных меломанов. Название вновь изменилось — оно сократилось до «Энджелс», а вторая пластинка, уже полностью выполненная в стиле хард-рока, надолго возглавила австралийские хит-парады. В 1979 году группа записала альбом «Выхода нет», который заметили в США и Великобритании (в 1980 году в Англии вышел сборник «Лицом к лицу», составленный из произведений, записанных на трех австралийских пластинках). «Энджелс» получили международное признание, и это обстоятельство потребовало очередной смены названия, во избежание путаницы с американским «Ангелом». В конце 1980 года «Энджел сити» записал очень сильный диск «Камера-обскура».

Весь следующий год «Энджел сити» гастролировали в США, выступали вместе с популярными группами «Чип трик» и «Претендерз». В 1982 году они записали пластинку «Ночная атака», которая стала «золотой» в Америке и «платиновой» на родине музыкантов.

В начале 1987 года «Энджел сити» выпустили новый альбом «От слов к делу»: здесь прослеживается попытка соединить хард-рок и вокальные приемы, характерные для негритянских песнопений,— госпелс.

«ANIMALS» («Энималз» — «Животные»). Группа образовалась в 1963 году в Ньюкасле, Великобритания, на базе ансамбля Алана Прайса, после того как к нему присоединился вокалист Эрик Бердон. Кроме Прайса и Бердона, в состав «Энималз» поначалу входили Брайан Чендлер, бас, Джон Стил, ударные, и Хилтон Валентайн, гитара. На музыку «Энималз» в бо́льшей степени оказал влияние ритм-энд-блюз, чем блюз, прельстивший большинство английских групп тех лет. В 1964 году под руководством молодого продюсера Мики Моста они записали свою первую композицию — аранжировку американской народной песни «Дом восходящего солнца» («Ровесник» опубликовал ноты и текст этой песни в № 4 за 1968 год). Эта запись прогремела по обе стороны Атлантики, вошла в первую пластинку группы («Животные») и до сих пор стоит в хит-параде еженедельника «Биллборд».

В 1965 году «Энималз» вновь нарушили гегемонию «Битлз» и «Роллинг стоунз» в списках популярности, выпустив сорокапятку с песней «Сделай так, чтобы я не остался непонятым», как и «Дом восходящего солнца», эта песня прочно вошла в репертуар более чем ста известных групп и исполнителей.

В конце 1965 года, вследствие постоянных конфликтов с Бердоном, Прайс покидает группу и начинает сольную карьеру. После его ухода состав «Энималз» непрерывно лихорадило — в разное время в группе играли такие музыканты, как Дэйв Роуберри, Дэнни Маккалоч и Джони Уэйдер. Тем не менее «Энималз» писали песни, которые каждый год занимали первые места во всех европейских и американских хит-парадах, их исполняли и такие группы, как «Грэнд фанк рейлроуд», «Грейтфул дэд», певица Дженис Джоплин.

Брайан Чендлер также ушел из группы, долгое время он был продюсером Джими Хендрикса (ассистировал ему в этой работе бывший коллега по «Энималз» Джон Стил).

В 1966 году группа сменила название на «Эрик Бердон и «Энималз», затем превратилась в «Нью энималз». Состав «Новых животных» был еще более нестабильным (одно время в группе играл Энди Саммерс, позже получивший известность в качестве гитариста «Полис»). Но, несмотря на бесконечную смену состава, группа продолжала оставаться одним из лидеров британского и мирового рока: их песни «Ночи в Сан-Франциско» (1967 год), «Монтре», «Космический пилот» и «Белые дома» (все — 1968 год) стали классикой рок-музыки.

В конце 1968 года группа выступила в концертном зале Ньюкасла в первоначальном составе, после чего исчезла с рок-сцены. Но в 1976 году «Энималз» вновь собрались, записали пластинку «Перед тем, как нас так грубо прервали» и снова сгинули.

Все это время пластинки «Энималз» (а их вместе со сборниками и концертными записями более 20) неоднократно переиздавались и переиздаются сейчас. Возможно, это обстоятельство побудило музыкантов доказать, что они способны не только пожинать плоды прошлого — в 1985 году группа собралась в очередной раз и спустя год выпустила новую пластинку, которая подтвердила амбиции музыкантов: «Энималз» — все сначала!» ничем не уступает их ранним, ставшим классическими, работам.

ANKA PAUL. Пол Анка родился 30 июля 1941 года в Оттаве, Канада. В отличие от большинства поп-кумиров 50-х годов, был не только прекрасным исполнителем, но и сам писал запоминающиеся песни. Анка начал выступать на эстраде с десяти лет. В 1956 году попытал счастья в Голливуде, но не приглянулся, хотя сумел записать песню, которая один раз даже прозвучала по местному радио. Потом пел в ночном баре, а в 1957 году занял первое место в конкурсе молодых певцов — призом была поездка в Нью-Йорк и запись любой песни по желанию победителя. Анка спел свою песню «Диана», и она стала хитом № 1.

Начиная с 1962 года он выходит на международную эстраду, его записывают во Франции, Италии, Великобритании.

Пол Анка написал более 400 песен, многие из которых вошли в репертуар известных исполнителей: «Не имеет значения» — пел Бадди Холли, «Мой путь» — Фрэнк Синатра, «Она леди» — Том Джонс. Он автор музыки к фильму «Самый длинный день», постановщик нескольких бродвейских мюзиклов, в том числе и нашумевшего «Ночного шоу». Более 40 его песен занимали в разное время первые места в самых престижных хит-парадах.

В 1978 году Пол Анка записал последнюю пластинку «Прислушайся к своему сердцу» и закончил выступления на эстраде.

«APHRODITE'S CHILD» («Дитя Афродиты»). Три студента-грека, учившиеся во Франции, отказались вернуться на родину, где в 1967 году власть захватила фашистская хунта «черных полковников». В 1968 году добровольные изгнанники организовали группу «Дитя Афродиты» и распределили обязанности так: Вангелис Папатанассиу, клавишные, флейта и арфа; Демис Руссос, акустическая и электрогитара, орган, греческий народный инструмент бузуки, духовые, вокал; Лукас Сидерас, бас-гитара и ударные.

«Дитя Афродиты» предвосхитили появление арт-рока, и их первая пластинка «Конец света» (второй вариант названия «Дождь и слезы»), появившаяся в конце 1968 года, состояла из мелодичных баллад («Дождь и слезы», «Конец света»), жестких, нервных композиций типа «Ты всегда стоишь на моем пути», для которых критики придумали определение — «греческий рэгтайм», и странных песен, выполненных в духе авангардного джаза,— «Пастух и луна» и «День дурака». Аллегорические тексты, исполнявшиеся своеобразным голосом Руссоса, придавали музыке особое изящество. Через неделю после выхода пластинка стояла на первом месте в списке самых популярных дисков Франции, а еще через неделю она попала в английские хит-парады.

В 1969 году «Дитя Афродиты» записали вторую пластинку, «Пять часов пополудни», которая была замечена и в США. Спустя год выходит диск «Дитя Афродиты», и в 1972 году — двойной альбом с апокалиптическим названием «666», или «Апокалипсис по Иоанну»: наряду с великолепными композициями, в которых уже начинал преобладать хард-рок, в альбоме оказалось и много надуманных, претенциозных песен. Вангелис решил начать сольную исполнительскую работу, а Руссос уже удачно выступал как вокалист — так «Дитя Афродиты» распались. Сидерас одно время играл в группе «Сайлент дарк», но вскоре получил место преподавателя античной литературы в Сорбонне и ушел из музыки.

В 1975 году вышел сборник лучших вещей «Дитя Афродиты», который переиздается до сих пор. Многие песни, включенные в этот сборник, Демис Руссос исполнял во время своего прошлогоднего турне по СССР.

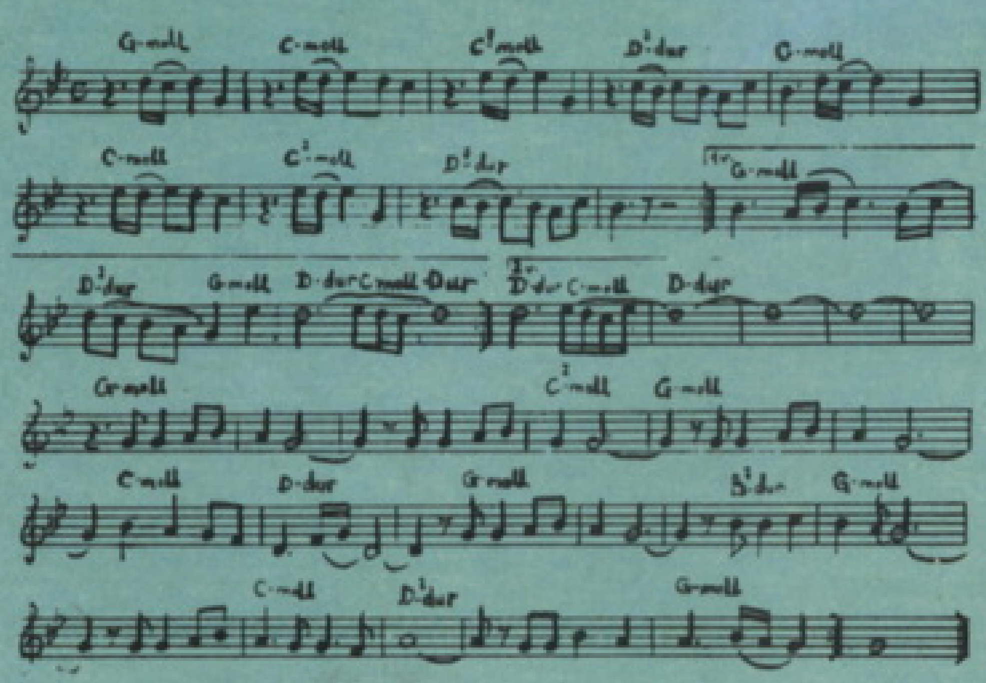
Уважаемые читатели, на письма, где не указан индекс вашего адреса, редакция отвечать не имеет возможности.

167

В предыдущем номере «Ровесника» мы опубликовали фотографию шведского ансамбля «Европа» и информацию о нем. В этом номере по просьбе читателей мы публикуем песню, которая принесла группе известность,— «Последний отсчет». Аранжировка для «Ровесника» А. Суетина.

«Наступает последний отсчет, наш корабль отправляется в космос. Какой она будет, наша Земля, когда мы вернемся! Мы будем по ней тосковать — девять, восемь... пуск! Не допустим последнего отсчета для нашей Земли!» — призывает ансамбль «Европа».

We're leaving together
But still it's farewell
And maybe we'll come back
To Earth, who can tell?
I guess there is no one to blame
We're leaving ground
Will things over be the same again?
It's the final countdown.
We're heading for Venus
And still we stand tall
'Cause maybe they've seen us
And wellcome us all
With so many light years to go
And things to be found
I'm sure that we'll all miss her so
It's the final countdown.

Снимки, которые вы видите на первой и последней страницах обложки, сделаны чехословацким журналистом Мирославом ЗАЙЦЕМ в Копенгагене. На них — молодые датчане, которые, как и все молодые люди на Земле, имеют право на будущее. На них — молодые датчане, которые понимают — чтобы это будущее состоялось, необходим мир, и считают своим кровным делом бороться за него.

В НОМЕРЕ:

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (зам. главного редактора), Н. Н. РУДНИЦКАЯ, Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИМОНОВ, С. Н. ЧЕЛНОКОВ
Художественный редактор Т. Н. Филипповская
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор М. В. Симонова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а.
Телефон 285-89-20. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.
Сдано в набор 06.07.87. Подписано к печ. 11.08.87. А01895. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-изд. л. 5,5. Тираж 1 500 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 167.
Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Индекс 70781
Цена 35 коп.